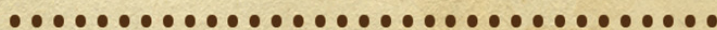
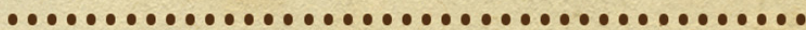

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ ВЕНТВОРТ

ПРИЮТ ПИЛИГРИМА

Мисс Сильвер

Патриция Вентворт

Приют пилигрима

«АСТ»

1946

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Вентворт П.

Приют пилигрима / П. Вентворт — «АСТ», 1946 — (Мисс Сильвер)

Об усадьбе «Приют пилигрима» ходят скверные слухи: все его владельцы, собиравшиеся продать имение, становились жертвой несчастного случая. Но слухи слухами, а когда нынешнему хозяину, отставному майору Пилгриму, чудом удастся избежать гибели при загадочных обстоятельствах, ему хватает здравого смысла обратиться за помощью к Мод Сильвер. Расследование начинается...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Вентворт П., 1946
© АСТ, 1946

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	37
Глава 10	39
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Патриция Вентворт

Приют пилигрима

© Patricia Wentworth, 1948

© Перевод. А. Анваер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

Сойдя с эскалатора, поднявшего ее к выходу из метро на площади Пиккадилли, Джуди Элиот почувствовала, как кто-то подхватил ее под локоть. Рука явно была мужская, а Джуди пребывала не в том настроении, чтобы терпеть такие ухаживания со стороны изнывавших от одиночества солдат. Она ускорила шаг, но это несколько не помогло, и тогда Джуди резко обернулась, чтобы высказать все остужающие пыл слова, вертевшиеся у нее на языке.

Слова эти, впрочем, так и не были сказаны. Холодность взгляда, означавшего «держи дистанцию, приятель», растворилась в приветливой улыбке узнавания. Джуди радостно вскинула подбородок и, оглядев с ног до головы высокого молодого человека в синем костюме и с тщательно подобранным галстуком, воскликнула:

– Фрэнк!

Сержант уголовной полиции Эббот попытался превратить характерную для него циничную усмешку в теплую улыбку. У сержанта был неприятный недуг сердца – этот орган в принципе работал как часы, но отличался неспособностью отвечать нужными в данной ситуации эмоциями. Конечно, это была случайная встреча с девушкой, которая в течение года не ответила ему ни на одно письмо. Он понимал, что чувства, испытываемые им когда-то, остались в прошлом и нельзя вести себя как подросток на первом свидании. Однако все равно, кажется, покраснел как рак и, хуже того, видел сейчас перед собой только Джуди – все остальное уже не имело никакого значения.

Итак, он продолжал улыбаться, а она смотрела на него, вскинув подбородок, что, впрочем, было следствием не высокомерия, а всего лишь разницы в росте. У Джуди был твердый волевой подбородок, пожалуй, украшавший приятное лицо, не бывшее, однако, идеально красивым. Полные губы изгибались «луком Амура», а глаза были очень выразительны. В настоящий момент они выражали вопрос: интересно, о чем он так сильно задумался?..

Джуди потянула его за рукав:

– Очнись!

Фрэнк вздрогнул как от удара. Если бы ему десять минут назад кто-то сказал, что он такотреагирует на неожиданное появление Джуди, он рассмеялся бы в лицо тому идиоту. Однако пауза затянулась, и Фрэнк наконец заговорил, перестав улыбаться:

– Это от неожиданности. Ты пойми, уж кого я не рассчитывал здесь встретить, так это тебя.

– Получается, что ты подхватил под локоток какую-то девицу, и вдруг выяснилось, что это я?

– Нет, не получается. Меня уволили бы из Скотленд-Ярда, если бы я занимался такими делами. Конечно, я мог бы вести себя и более предупредительно, я умею... Но, Джуди, скажи мне, где ты была?

– В деревне. Мы загораживаем проход.

Эббот взял Джуди под руку и отвел в сторону.

– Ну вот, здесь мы никому не мешаем. Почему ты не отвечала на мои письма? – Он не хотел об этом спрашивать, но вопрос вырвался сам собой.

– Какие письма? Я не получила от тебя ни одного письма.

– Я писал, – сказал он. – Где ты жила?

– О, в самых разных местах: с тетей Кэти, пока она не умерла, а потом переезжала с места на место.

– Тебя мобилизовали?

– Нет, я же забрала Пенни, у нее больше никого не осталось.

– Пенни?

– Дочку моей сестры Норы. Они с Джоном попали под бомбежку почти сразу после того, как мы с тобой виделись в последний раз. Им уже ничем не можешь помочь, а вот Пенни пришлось несладко.

Он заметил, как окаменело лицо Джуди. Она смотрела мимо него, когда Фрэнк сказал:

– Я не знал этого. Прости. Что тут еще скажешь?

– Ничего. Я уже могу говорить об этом спокойно, так что не обращай внимания. Я забрала Пенни. Ей почти четыре года, и у нее нет ни одного близкого родственника, кроме меня, поэтому меня освободили от мобилизации. Как ты?

– Меня пока не отпускают.

– Как же тебе не повезло! Знаешь, мне надо бежать кормить ребенка. Мы живем у Изабель Марч, она ужинает в кафе, поэтому я не должна опаздывать. Я ходила в магазин, и Изабель изъявила готовность посидеть с Пенни.

Эббот все еще держал Джуди за руку.

– Подожди минутку, не убегай, пока мы не договорились о встрече. Может быть, мы все же поужинаем?

Она решительно качнула головой:

– Нет, если Изабель уйдет, то Пенни в квартире останется одна. Я не могу этого допустить. Если же ты скажешь то, что собирался сказать, я вообще не стану с тобой разговаривать.

В его светлых глазах мелькнул сардонический огонек.

– Это дитя, наверное, сущий ангелочек. Я обожаю маленьких детишек.

Джуди от души рассмеялась:

– Я думала, что в Скотленд-Ярде учат врать лучше.

– Там вообще не учат врать. Там все очень добродетельны. Мой шеф поет в церковном хоре. Если твоя Изабель Марч уйдет, мы сможем присмотреть за ребенком вместе. Как ты на это смотришь?

– Она будет спать. Я могла бы сделать на ужин омлет – конечно, из яичного порошка.

– И когда?

Против воли в его голосе прозвучало страстное желание. Джуди было непонятно, с чего бы это. Они с Фрэнком дружили, но не более того – вместе обедали и изредка ходили на танцы, а потом ей пришлось поселиться у бедной тети Кэти, а он перестал писать и вообще куда-то исчез. Правда, теперь он говорит, что писал.

Джуди подумала, что Фрэнк был для нее из разряда людей, о которых говорят: «С глаз долой, из сердца вон». Полное молчание в течение года, а теперь дрожащий от страсти голос. А прежде-то он не отличался страстностью. Она вспомнила элегантного молодого человека, стройного и высокого, с очень светлыми, зачесанными назад волосами и голубыми глазами, блестящими, как зеркало, и надменно смотревшими на окружающих. Правда, сейчас он смотрел на нее, и этот взгляд тревожил и волновал.

Джуди уже жалела, что обмолвилась об омлете. Какая польза в этом волнении? Не стоит тратить время на Фрэнка – все равно не выйдет ничего хорошего. Ей надо заниматься Пенни и найти место горничной. На мгновение ей захотелось взять свои слова обратно и убежать. Но в этот момент внутренний голос выдал одно из своих коварных и иллюзорных замечаний, замаскированных под здравый смысл: «В конце концов, это всего лишь один вечер. Какое он может иметь значение?»

Она облегченно улыбнулась, назвала Фрэнку адрес и торопливо зашагала прочь.

Глава 2

В четырехлетнем возрасте отход ко сну – очень важная церемония. Мисс Пенни Фоссет воспроизводила ее полностью. Любая попытка поспешить или сократить установленный порядок всегда заканчивалась нежным напоминанием: «Давай сделаем это еще раз». Джуди добросовестно пыталась руководить, но ее старания неизменно оказывались тщетными. Отступничество, к несчастью, бывает очень приятным. Обычно в тот самый момент, когда Джуди, собравшись с духом, собиралась сурово отчитать маленькую грешницу, крошка с трогательной улыбкой крепко обвивала влажными ручками шею мисс Элиот, приговаривая: «Коровка любит свою Джуди».

Именно в этот вечер купание сильно затянулось. Изабель обнаружила на чердаке деревенского дома своей матери древнюю резиновую утку. Утку, конечно, давно следовало сдать в утиль, но эта возможность по недосмотру была упущена – к вящему восторгу Пенни. Когда же наконец удалось оторвать девочку от потрепанной игрушки, времени оставалось меньше, чем рассчитывала Джуди. Даже если молодой человек вам абсолютно безразличен, вы все же захотите привести в порядок прическу и немного помочь природе, приукрасив лицо, до того, как он придет на ужин. К тому же очень трудно искупать ребенка и не растрепать при этом волосы. Такое было под силу только няням прежних времен, но ныне этот вид находится на грани исчезновения.

Раскрасневшаяся и вспотевшая, Джуди села на край кровати и сложила руки на груди.

– Пенни, а теперь молитва.

Мисс Пенелопа Фоссет была одета в небесно-голубую пижамку. Темные кудри беспорядочно обрамляли очаровательную головку. У Пенни были крошечные розовые ушки и похожее на сердечко личико. К этому надо добавить невероятной голубизны глаза и неправдоподобно длинные черные ресницы. Щечки лучились здоровым ровным румянцем. Девочка источала тепло, влагу и аромат лавандового мыла, когда опустилась на колени рядом с Джуди, склонила голову на сложенные руки и издала долгий и пронзительный возглас:

– Му-у!

Засмеяться – означало погибнуть в глазах мисс Фоссет. Джуди изо всех сил прикусила нижнюю губу. Иногда это помогало.

– Пенни, я же сказала, молитва!

Девочка приоткрыла один синий глаз, укоризненно посмотрела на Джуди и снова закрыла глаз.

– Она произносит свою молитву. Она же коровка и поэтому мычит. Она так разговаривает.

Джуди потребовалось около четверти часа, чтобы уговорить Пенни снова стать человеком, но и тогда за финальным «аминь» последовало упрямое «му!».

Джуди прекратила дальнейшие препирательства и побежала в ванную приводить себя в порядок. Она успела прийти к заключению, что никогда в жизни не выглядела так неприятно, когда раздался звонок. Джуди открыла дверь и впустила в дом Фрэнка Эббота.

Они вместе приготовили омлет на крошечной кухоньке Изабель. Нет ничего лучше совместной домашней работы для того, чтобы сломать лед отчуждения. К тому моменту, когда Фрэнк накрыл на стол, а она обозвала его идиотом за то, что он уронил масленку, могло показаться, что они женаты уже много лет. За омлетом, удавшимся на славу, Фрэнк не преминул сказать об этом, похрустывая изумительными шкварками. Однако если он надеялся вогнать этим Джуди в краску, то сильно просчитался. Мисс Элиот невозможно с ним согласилась:

– Да, мы могли бы, но только не так... скучно.

– С подходящим человеком скучно никогда не бывает.

Джуди предложила ему томатный соус.

– Об этом никогда не задумываешься, пока не становится слишком поздно. Я хочу сказать, что мы оба любим томатный соус, но представь себе, что нам придется есть его с каждым блюдом следующие тридцать или сорок лет. Мы же окоченеем от скуки.

– Дитя мое, я дрожу от твоих слов! Уверю тебя, у меня в запасе не меньше тридцати различных специй, которые рекламируют производители супов и желе, и ты всегда сможешь смешивать их в любых сочетаниях, если тридцати тебе покажется мало. Да и потом, мозг – субстанция динамическая, я всегда смогу придумать что-нибудь новенькое. Ты все понимаешь предвзято и прямолинейно. Люди скучны из-за каких-то своих качеств – они любят заваривать чай, заливая листья по несколько раз, не любят открывать окна, чтобы не впустить ненароком новые идеи, – в этом, я считаю, причина скуки. Я тебя предупредил!

– Спасибо, – смиренно произнесла Джуди, но в глазах ее сверкнул лукавый огонек.

Заметив, что Фрэнк хочет что-то сказать, она опередила его, очаровательно улыбнувшись:

– Скольким девушкам ты уже говорил эти слова?

– Только что об этом подумал. Но знаешь, это их потеря.

Она торопливо – быстрее, чем ей хотелось, – произнесла:

– Завтра мы уезжаем.

– Мы?

– Пенни и я.

– Куда?

Ощувив, что обрела под ногами твердую почву, Джуди позволила себе расслабиться. На лице снова расцвела улыбка, а на щеках появились симпатичные ямочки.

– Мы с ней будем горничными.

– Что?

– Я буду горничной в деревне. Там безопасно, и я еду туда из-за Пенни. За все время там была только одна жертва бомбежки – козел, да и того убило на дальнем выпасе.

– Я правильно понял – горничной?

– Да, именно так. Если ты собираешься сказать, что я заслуживаю лучшей участи – а это мне говорят все, – то, значит, тебе не приходилось пробовать куда-то устроиться, а мне приходилось. Если бы не Пенни, я устроилась бы на любую другую работу, хотя если бы не было Пенни, то меня бы мобилизовали. Но у меня есть Пенни, и этим все сказано. Я останусь с ней, и этим еще раз все сказано. Если ты, как я, примешь это во внимание, то поймешь, что единственное место, которое можно получить с маленьким ребенком, – это место домашней прислуги. Сейчас трудно найти прислугу, и многие люди просто отчаялись. Смотри, как здорово получается – полицейский и горничная мило ужинают вдвоем!

Фрэнк свел глаза, глядя на кончик своего длинного носа. Он не смеялся.

– Это необходимо?

Джуди кивнула:

– Да, это необходимо. У меня нет ни цента. Тетя Кэти жила на государственную пенсию, хотя этого никто не знал. Когда я расплатилась со всеми ее долгами, от ее сбережений не осталось практически ничего. Джон Фоссет получал только зарплату, поэтому для Пенни не осталось ничего, кроме мизерной пенсии. Я хочу откладывать ее, чтобы потом дать ей образование.

Фрэнк машинально крошил батон. Какое право имели Джон и Нора Фоссет погибнуть от бомбежки и оставить свое потомство на Джуди? Он сердито спросил:

– Куда именно ты едешь?

Джуди, казалось, была очень довольна собой. Она отняла у Фрэнка батон, попросив не переводить напрасно еду, а потом ответила на вопрос:

– Кажется, это будет очень мило. Мы с Пенни станем жить в семье. Думаю, что повар и кто-то из слуг уволились, иначе мне бы не видать этого места как своих ушей. Там живут две старые девы по фамилии Пилгрим и их племянник-инвалид, а усадьба называется «Приют пилигрима». Сама деревня – «Роща святой Агнессы».

Она не успела договорить, потому что Фрэнк резко ухватился руками за край стола и закричал так, что Джуди вздрогнула:

– Ты не можешь, ты не должна туда ехать!

Джуди, даже не предполагавшая, что он способен так громко кричать, мгновенно превратилась в мисс Элиот. Ее и Фрэнка по-прежнему разделял только стол, но вскинутые брови и выражение глаз обозначили очень дальнюю дистанцию. Она холодно осведомилась:

– Почему?

Невозмутимость Фрэнка, наоборот, словно ветром сдуло. Отстраненность и бесстрастность, которые он до сих пор старательно разыгрывал, уже не могли служить ему защитой. Он был ошеломлен.

– Джуди, я тебе говорю, ты не должна туда ехать. Не смотри на меня так, туда ехать нельзя!

– Но почему нельзя? Что плохого в сестрах Пилгрим? Одна из них приезжала в город поговорить со мной. Она показалась мне очень милой. Ты с ними знаком?

Он кивнул:

– Видимо, это была мисс Колумба. Она нормальная, во всяком случае, я так думаю. – Фрэнк провел рукой по волосам, чтобы собраться и успокоиться. – Слушай, Джуди, я хочу тебе кое-что о них рассказать. Помнишь, ты всегда говорила, что у меня очень много родственников? Наверное, так оно и есть. Некоторые из них живут в «Роще святой Агнессы», и я всю жизнь был знаком с Пилгримами. С Роджером я учился в одной школе.

Джуди не смогла сдержать иронию:

– Вероятно, это не его вина.

– Не шути так, я говорю вполне серьезно. Выслушай меня. Роджер только что вернулся с Ближнего Востока. Он попал в плен к итальянцам, бежал, какое-то время пролежал в госпитале, а сейчас находится в отпуске по болезни. Я сам недавно был из-за гриппа в отпуске и провел его в «Роще святой Агнессы», где много общался с Роджером. – Он замолчал и жестко посмотрел на Джуди. – Ты умеешь держать язык за зубами? То, что я тебе расскажу, знают почти все в деревне, но я не хочу, чтобы Роджер думал, будто я распускаю о нем слухи. Он чудесный парень, но у него что-то случилось с головой. Он все время чертовски возбужден. Я никому об этом не говорил, но тебе рассказываю, чтобы ты поняла, что не должна туда ехать.

Джуди сидела, поставив локти на стол и положив подбородок на ладони. Щеки ее горели, в глазах мелькнула тревога.

– Почему?

Фрэнк колебался, что обычно было ему не свойственно. Видимо, он и в самом деле был немало потрясен. Спокойная уверенность соскочила с него, как шелуха. Создавалось впечатление, будто бы он вернулся домой и обнаружил, что оттуда вынесли всю мебель. Фрэнк был смущен, напуган и не нашел ничего лучше, чем сказать:

– Там происходит нечто странное.

– Что именно?

В этом-то и была вся загвоздка. Пропасть между тем, что он мог облечь в слова, и тем, что он не мог ими выразить, казалась слишком широкой. И самое главное, Фрэнка не отпускала мучительная и страшная мысль, что эта пропасть стала еще шире, когда он узнал о планах Джуди по поводу «Приюта пилигрима». Если бы это был кто-то другой, то Фрэнк не стал бы загружать этим свою голову.

Джуди повторила вопрос:

– Так что там происходит?

– Всекие случайности – а может, и не случайности. Роджер, например, так не думает, – ответил Фрэнк. – В его комнате обвалился потолок. Если бы он не заснул над книгой в гостиной, то его бы точно убило. Потом загорелась другая комната, и именно в тот момент, когда Роджер там находился. Дверь заклинило, и он едва успел выбраться.

Джуди внимательно посмотрела в лицо Фрэнку.

– Кому принадлежит усадьба?

– Ему.

– Он и есть тот племянник-инвалид?

– Нет, племянника зовут Джером. Он двоюродный брат Роджера, старше его на несколько лет. Его ранило под Дюнкерком. Денег у него нет. Они взяли его к себе и наняли для него сиделку. Это очень клановое семейство.

– Он – или Роджер – невротик? Кто-то из них занимается этими фокусами?

– Я не знаю. Это вряд ли Роджер или Джером, если они остались такими, какими были. Возможно, оба происшествия никак не связаны. В первом случае кто-то забыл завернуть кран, раковина переполнилась, и это послужило причиной обрушения потолка. Во втором случае Роджер уснул перед камином, а весь пол вокруг него был усеян газетами, которые он перебирал. Может быть, на газету упала искра из камина.

– Это все? – спросила Джуди.

В голосе ее прозвучало легкое презрение, и оно сильно задело Фрэнка. Под влиянием внезапного чувства он сообщил больше, чем собирался:

– Роджер не верит, что смерть его отца была случайной.

– Почему?

Фрэнк передернул плечами:

– Старик Пилгрим отправился на верховую прогулку и не вернулся. Его нашли со сломанной шеей. Кобыла пришла к дому в пене, а старый конюх сказал, что нашел под седлом шип. Старик мог заехать в колючий кустарник, и это было бы самое правдоподобное объяснение. Но объяснить можно все что угодно. Короче, я не хочу, чтобы ты туда ехала.

Он видел, что Джуди нахмурилась, но в глазах ее не было гнева.

– Знаешь, все не так просто. Многие говорят, что есть миллион возможностей найти работу, но это не так, особенно с Пенни на руках. Даже сейчас, в такое время, люди не хотят прислугу с ребенком. Когда говоришь о ребенке, на тебя смотрят так, будто ты собираешься привести в дом тигра. Многие также думают, что Пенни – мой ребенок. Когда я рассказываю людям о Норе и Джоне, они смотрят на меня взглядом, говорящим: знаем мы все эти истории, не раз их слышали. Думаю, мне надо восстановить свидетельство Норы о браке и сертификат рождения Пенни. Но и в таком случае все будут думать, что это моя незаконная дочь. Я очень вовремя увидела объявление сестер Пилгрим и сразу на него ответила. Мисс Пилгрим мне понравилась, а в деревне Пенни будет в безопасности, да и не могу же я отказаться в самый последний момент. Мы едем завтра, хотя я и понимаю, что в этом нет ничего хорошего, Фрэнк.

Эббот с нелегким сердцем смирился с ее решением.

Джуди отодвинула от стола стул и встала.

– Очень мило с твоей стороны было проявить обо мне такую заботу. – Тон ее снова стал небрежным и раскованным. Вопрос был решен, обсуждение окончено.

Они вместе убрали со стола и принялись мыть посуду, что снова немного их сблизило. Напряжение и отчужденность исчезли. Джуди принялась расспрашивать Фрэнка о деревне, о людях, живущих там, в особенности о его кузенах и кузинах, и он пообещал написать им о ее приезде в «Приют пилигрима».

– Знаешь, тебе понравится Лесли Фрейн. Она живет в деревне в полусотне шагов от усадьбы Пилгримов. Дома стоят на одной улице. Лесли чудный человек.

– Кто она – одна из твоих кузин?

– Нет, она местная наследница лендлорда. Очень застенчива и не очень молода, зато у нее мешок денег и большой дом. В доме, между прочим, живут человек двадцать эвакуированных. Она хотела когда-то выйти замуж за кузена Пилигрима, но из этой затеи ничего не вышло.

Еще немного, и он рассказал бы Джуди историю о Генри Клейтоне, но вовремя одумался. Джуди бы решила, что он просто нагнетает страсти, а вся эта история была на самом деле абсолютно несущественной. Фрэнк резко сменил тему:

– Если вдруг, по какой-нибудь случайности, в доме или в деревне появится мисс Сильвер, то знай, что это мой очень близкий и особенный друг.

Джуди одарила его лучезарной улыбкой.

– Как это мило. Расскажи мне о ней. Кто она?

Фрэнк снова стал самим собой. В его глазах появился насмешливый блеск, а в голосе – снисходительная тягучесть.

– Она единственная и неповторимая. Я всегда слушаю ее с обожанием и смотрю на нее исключительно снизу вверх. Надеюсь, ты поведешь себя так же.

Джуди мысленно посчитала это весьма маловероятным, но продолжала заинтересованно улыбаться, пока Фрэнк продолжал свой рассказ:

– Ее зовут Мод, как у Теннисона, чью поэзию она просто обожает. Если ты забудешься настолько, что добавишь к ее имени «и», то она простит тебя, поскольку у нее очень доброе сердце и высокие принципы, но сближение с ней потребует от тебя некоторых усилий.

– О чем ты?

– Ты станешь называть ее Моды. Знаешь, я ее безумно люблю. Раньше она была домашней учительницей, а теперь – частный детектив. Конечно, она не может быть современницей лорда Теннисона, но она совершенно непостижимым образом создает такое впечатление. Я сказал Роджеру, чтобы он ее навестил, так что, возможно, она появится в тех краях, и в этом случае мне будет спокойнее. Но ты ничего не знаешь, ладно? Может, она приедет под видом гостыи – отдохнуть в деревне или что-нибудь в этом роде, так что ни слова ни одной живой душе. Однако если она приедет, тебе будет на кого рассчитывать.

Джуди открыла тут же засвистевший кран и налила воду в большую кастрюлю, резко вскинув подбородок.

Глава 3

Мисс Сильвер была склонна видеть руку Провидения в мелочах. Ее первое знакомство с делом Пилгримов состоялось в то время, когда она как раз придумала новую петлю для свитера, который вязала ко дню рождения своей племянницы Этель. Именно это мисс Сильвер и посчитала знаком судьбы, ибо, хотя могла безмятежно вязать, несмотря на все сложности, связанные с делом об убийстве, все же ей было нелегко сосредоточиться на действительно трудном узоре. Ежегодный свитер для Этель Беркетт являлся сам по себе достаточно сложной задачей и составил достойную конкуренцию загадке уголовного преступления.

Какое все же счастье, что ей удалось раздобыть эту превосходную довоенную шерсть! Такую мягкую – и чудесного синего оттенка, – причем без всяких карточек, потому что из коробки на чердаке пасторского дома ее извлекла мисс Софи Фелл, которая навязала – да, да, просто навязала! – эту шерсть мисс Сильвер. Хранилась шерсть с кристалликами камфары и поэтому была так же хороша, как в тот давно минувший день, когда ее спряли.

Петли были набраны на спицу, мисс Сильвер уже ясно представила себе новый узор, когда в дверь позвонили и Эмма Мидоуз объявила, что пришел майор Пилгрим. Мисс Сильвер увидела перед собой стройного темноволосого молодого человека с нахмуренным лицом желтовато-землистого цвета.

А Роджеру Пилгриму мисс Сильвер напомнила его теток. Тетя Миллисент, которая на самом деле была его двоюродной бабушкой, отличалась такими же вьющимися каштановыми волосами, которые хорошо бы гармонировали с обстановкой дома мисс Сильвер – с мебелью на изогнутых ножках и с прихотливо изогнутыми спинками. Правда, тетя Милли предпочитала зеленые тона, а мисс Сильвер – обивку ярко-синего цвета. Обе леди устали каждый квадратный дюйм каминной полки и стол – за исключением письменного стола мисс Сильвер – фотографиями в старинных серебряных рамках. У тети Тины годами красовались на стенах очень похожие обои с цветочным орнаментом. Кроме того, он увидел две точно такие же картины, не успев войти в гостиную мисс Сильвер, – «Пузыри» и «Черный легион». Однако у тети Тины рамы были коричневые, а здесь желтоватого цвета, столь любезного сердцам Викторианской эпохи.

Ощущение уюта усиливала и сама мисс Сильвер. Старшая кузина Роджера носила такую же прическу по моде, установленной королевой Александрой в последние годы девятнадцатого столетия. Тетя Конни предпочитала вдобавок такие же черные шерстяные чулки. В остальном же мисс Сильвер была сама собой – маленькой гувернанткой с тонкими чертами лица и мелкими кудряшками, аккуратно собранными под сеткой. Сегодня она надела довоенное платье из оливково-зеленого кашемира с кружевным воротничком – свежим и чистым. Пенсне на тонкой золотой цепочке было сложено и прикреплено к броши, украшенной мелким жемчугом. На шее мисс Сильвер висели бусы из резного мореного дуба, а на груди красовалась еще одна брошь, тоже из дуба, в форме розы с ирландской жемчужиной в центре. Эта леди менее всего походила на частного детектива.

На часах было три часа пополудни. Мисс Сильвер, пожав руку гостю, взглядом указала ему на стул и посмотрела на Роджера с доброй, но несколько безличной улыбкой, какой она, вероятно, в прежние годы встречала новых смущенных подопечных. Двадцать лет учительства оставили на лице и в манерах мисс Сильвер неизгладимый отпечаток. В самых невероятных ситуациях она ухитрялась сохранять невозмутимую и спокойную атмосферу классной комнаты. В ее голосе прозвучали нотки ненавязчивого, но непререкаемого авторитета, когда она заговорила:

– Чем я могу помочь вам, майор Пилгрим?

Роджер поднял голову и прищурился от яркого света. На нем был хорошо сшитый, хотя и не новый костюм. Майор был в больших круглых очках в черепаховой оправе, за стеклами которых беспокойно бегали темные глаза. Мисс Сильвер взглянула на его руки, нервно двигавшиеся по блестящей поверхности резных ореховых подлокотников викторианского стула.

Ей пришлось повторить вопрос, потому что Роджер продолжал молча сидеть, вцепившись пальцами в гладкое дерево и уставившись на ярко-синий ковер, гармонировавший со всем остальным убранством. С удовлетворением отметив про себя, что ковер выглядит почти как новый, мисс Сильвер вновь обратилась к майору:

– Вы не хотите сказать, что привело вас ко мне?

Она заметила, как посетитель вздрогнул, метнул на нее встревоженный взгляд, а затем тотчас его отвел. Не важно, пользуются ли люди словами для того, чтобы высказывать свои мысли или скрывать их, есть одна вещь, которую очень трудно скрыть от опытного наблюдателя. В этом брошенном на нее взгляде мисс Сильвер мгновенно увидела эту вещь. Это был взгляд, который можно увидеть у лошади, когда она пугается. Мисс Сильвер подумала, что этот молодой человек боится посмотреть в лицо страху, приведшему его сюда. Он не был первым. Очень многие люди несли сюда, в эту комнату, свои страхи, проступки и безумства, надеясь сами не зная на что, а потом садились на стул и молчали до тех пор, пока мисс Сильвер не приходила к ним на помощь. Она ободряюще улыбнулась Роджеру Пилгриму и заговорила таким тоном, словно он был десятилетним ребенком:

– Вас явно что-то тревожит. Вам станет легче, если вы скажете мне, что именно. Может, стоит начать с того, кто вас ко мне направил?

Это было невероятное облегчение для Роджера. Он оторвал взгляд от многоцветных розочек, пионов и листьев аканта, украшавших синий ковер, и ответил:

– О, ваш адрес дал мне Фрэнк, Фрэнк Эббот.

Улыбка мисс Сильвер потеплела и перестала быть безличной.

– Сержант Эббот – мой большой друг. Вы давно с ним знакомы?

– Да, мы учились в одной школе. Он немного старше меня, но наши родители хорошо знали друг друга. Он довольно часто приезжает к своим родственникам – они живут неподалеку от нас. Кстати, он был там в прошлые выходные, догуливал отпуск по болезни. Я встречался и разговаривал с ним. Фрэнк – чудесный парень, хотя кто бы мог это подумать, глядя на него со стороны, – я надеюсь, вы меня понимаете. – Он нервно рассмеялся. – Это ужасно забавно: твой школьный товарищ – и вдруг полицейский. Сержант уголовной полиции Эббот! В школе мы называли его Пудрой. Он обожал посыпать волосы пудрой. Однажды он посыпал голову какой-то дрянью, которая пахла «Белой розой». Учитель математики на уроке обнюхал всех, но все же нашел Фрэнка и послал его мыть голову.

Вспоминая этот забавный случай, Роджер немного успокоился, но стоило ему закончить, как он снова нахмурился.

– Фрэнк настоятельно советовал обратиться к вам, сказал, что вы – просто чудо. Правда, я не вижу, что здесь можно сделать. Видите ли, у меня нет ни улик, ни доказательств. Пудра сам мне об этом сказал. Он говорит, что полиции здесь не за что зацепиться. Собственно, я обратился к Фрэнку, потому что он работает в Скотленд-Ярде, но он сказал, что полиция на самом деле не станет этим заниматься, и посоветовал обратиться к вам. Я, правда, не думаю, что от этого будет какая-то польза.

Мисс Сильвер, заканчивая новый узор, быстро застучала спицами и поощрительно кашлянула.

– Вы же не можете знать, что я вам отвечу? Если вы расскажете мне то, что, по всей вероятности, рассказали Фрэнку, я выскажу свое мнение. Будьте любезны, приступайте.

Роджер Пилгрим приступил – уж очень непререкаемым был тон мисс Сильвер – и выпалил на одном дыхании:

– Мне кажется, что кто-то пытается меня убить. – Он тут же осекся, понимая, что выглядит полным идиотом.

– Боже мой! – отозвалась мисс Сильвер. – Что заставляет вас так думать?

Он внимательно посмотрел на нее. Вот она сидит перед ним, воплощение пожилой старой девы, и смотрит на него поверх своего вязанья. С равным успехом он мог сказать ей, что идет дождь. Мысленно он отругал себя последними словами за то, что явился сюда. Она, вероятно, решила, что он невротик. Ну да, наверное, он и есть невротик. Нахмурившись, он устался на ковер и сказал:

– Какой толк от того, что я вам все расскажу? Если я выскажу все это словами, вы подумаете, что я просто безмозглый дурак.

Мисс Сильвер еще раз кашлянула.

– Что бы это ни было, оно сильно вас тревожит. Если причин для тревоги нет, вы будете рады получить этому доказательства – не так ли? Если, напротив, для беспокойства есть основательные причины, их очень важно устранить. Почему вы думаете, что кто-то пытается вас убить?

Он внимательно взглянул на нее:

– Ну, я думал, что действительно пытались.

Мисс Сильвер переспросила:

– Пытались?

Она вязала очень быстро, как вяжут на континенте, держа руки на коленях и вперив взгляд в гостя.

– Я не имею ни малейшего представления о том, кто бы это мог быть.

– Думаю, будет лучше, если вы расскажете мне, что случилось. Ведь что-то же случилось.

Роджер с чувством кивнул:

– Вот и вы это говорите! Происходят странные вещи – от этого никуда не деться. Кусок упавшей штукатурки – это не плод моего воображения, как не плод моего воображения куча пепла там, где были газеты и ковер.

– Господи! – воскликнула мисс Сильвер. И добавила: – Прошу вас, расскажите мне все с самого начала об этих происшествиях.

Он подался вперед, не отрывая взгляда от мисс Сильвер.

– Вся беда в том, что я не знаю, с чего начать.

Мисс Сильвер еще раз кашлянула.

– Начните с начала, майор Пилгрим. – В глазах за стеклами очков промелькнула тревога.

– Самое ужасное то, что я не знаю, с чего все началось. Видите ли, дело это касается не только меня, но и моего отца. Я был на Среднем Востоке, когда умер отец, а меня не было дома очень долго. И конечно, как говорит Фрэнк, нет никаких доказательств. Но скажите мне ради Христа, отчего вдруг смирное животное, на котором отец ежедневно ездил в течение десяти лет, вдруг обезумело? Такого с этой кобылой никогда не случалось. Когда она, вся в пене, вернулась домой, все отправились искать отца и нашли его со сломанной шеей. Уильям, старый конюх, сказал, что обнаружил под седлом колючку – должно быть, кто-то ее туда положил. Но дело в том, что это не единственная неувязка. Лошадь не сбросила отца, они упали вместе, и упали они в заросли шиповника и ежевики. Но как сказал Уильям и как говорю вслед за ним я: отчего она понесла? У нас обоих один ответ – нет никаких улик и доказательств.

– По какой причине кто-то мог желать смерти вашему отцу?

– Да в том-то все и дело! Не было никакой причины, ровным счетом никакой *причины*!

Выделенное интонацией последнее слово требовало пояснения:

– Вы так об этом говорите, будто была какая-то вещь, которая не могла послужить причиной, – заметила мисс Сильвер.

– Видите ли, я сам не верю в такие вещи, но если вы спросите Уильяма или любого старика в деревне, то вам скажут: все случилось оттого, что отец собрался продать усадьбу.

– Такое суеверие в отношении чистой случайности?

Роджер озадаченно нахмурился, но тут же осознал смысл ее фразы.

– О да, я понимаю, что вы имеете в виду. По сути, так и есть. Наша семья владеет усадьбой с незапамятных времен. Сам я не придаю этому никакого значения – это так несовременно, если вы понимаете, о чем речь. Нет ничего хорошего в том, чтобы пытаться жить прошлым и цепляться за вещи, которые удалось захватить вашим предкам, верно? Я хочу сказать – что в этом хорошего? У нас нет денег, и если бы я решил обзавестись супругой и совладелицей, то едва ли моя избранница откликнулась бы на мое предложение. Поэтому, когда отец написал мне, что собирается продать имение, я ответил, что со своей стороны не стану возражать. Беда, правда, в том, что он так и не получил моего письма. Но деревенские жители вообще, как правило, суеверны.

– В какой форме проявляется это суеверие, майор Пилгрим?

– Знаете, все дело в стихотворении. Какой-то недоумок вырезал его в камне над камином в зале, и эти строки все время у меня перед глазами. Мы Пилгримы, а усадьба называется «Приют пилигрима». Вот это четверостишие:

Когда, надев паломнический плащ, оставит Пилгрим свой приют,
На том пути не ждут его ни слава, ни уют.
Останься, Пилгрим, ибо там, где видится тебе величественный
храм,
Несчастья ждут тебя, и смерть бредет за ними по пятам.

Роджер коротко и нервно рассмеялся.

– Это, конечно, полный вздор, но я уверен, что вся деревня думает, что именно поэтому лошадь понесла, а мой отец сломал шею.

Мисс Сильвер, продолжая вязать, промолвила:

– Суеверия очень живучи. Скажите, майор Пилгрим, после смерти вашего отца переговоры о продаже имения были продолжены?

– Знаете, по существу, нет. Видите ли, в тот момент я умудрился попасть в плен, сидел в лагере для военнопленных в Италии, и дело застопорилось. Но потом Муссолини свергли, и я сумел бежать, попал в госпиталь, где меня подлечили, а потом отправили домой. Парень, который хотел купить имение, снова появился на горизонте и думал, что я продолжу переговоры с ним. Я этого не скрывал, и вот тут-то на меня обрушился потолок.

Мисс Сильвер взглянула на гостя:

– Буквально или метафорически? – Увидев, что Роджер в данный момент не был склонен к иносказаниям, она подправила вопрос: – Вы хотите сказать, что потолок действительно обрушился?

Роджер энергично кивнул:

– Да, действительно, и как обрушился! Рухнул кусок потолка со всеми этими нимфами, гирляндами и прочей лепниной. Это не самая лучшая спальня в доме – лучшая находится рядом, – но парень, живший в восемнадцатом веке, сделал там потолок, который он списал с какого-то итальянского палаццо. На такие вещи ходят смотреть туристы со всего мира. Так вот, приблизительно месяц назад кусок потолка рухнул на то самое место, где мог быть я, если бы лежал в своей кровати, а я бы там лежал, если бы не уснул над скучной книжкой в кабинете.

– Господи, но почему потолок упал?

– Потому что наверху протекла водопроводная труба, нимфы и еще бог знает кто напиться водой, отяжелели и грохнулись вниз, как груда кирпичей из перевернутой тачки. Если бы я был в кровати, меня, без всякого сомнения, убило бы.

– Скучная книга была ниспослана Провидением. Мне кажется, вы упомянули еще об одном инциденте?

Роджер кивнул:

– Это случилось неделю назад. В доме есть маленькая комнатка, которую отец использовал для хранения своих документов. Странное, скажу вам, место. Все стены от пола до потолка уставлены полками и ящичками, набитыми разными бумагами. Я собрался понемногу их разобрать и как раз в прошлый вторник решил этим заняться. Около половины шестого я выпил и тут же понял, что у меня неудержимо слипаются глаза. Я сел в кресло у камина и сразу уснул. Видимо, я спал мертвым сном, потому что пробудился только тогда, когда вся комната была в огне. Не знаю, как возник этот пожар. Из камина могла вылететь искра, упасть на разложенные на полу бумаги и поджечь их. Но почему я так крепко уснул, что не проснулся сразу? Обычно я, знаете ли, очень чутко сплю.

Мисс Сильвер подалась вперед:

– Что вы хотите этим сказать?

Он сурово насупился.

– Думаю, что кто-то подсыпал в выпивку снотворное и поджег бумаги, – ответил Роджер Пилгрим.

Глава 4

Мисс Сильвер аккуратно отложила вязанье на подлокотник кресла, поднялась и, неторопливо подойдя к письменному столу, села за него, потом извлекла из ящика ученическую тетрадь в ярко-зеленой обложке и обратилась к Роджеру Пилгриму:

– Может, вы сядете сюда, так будет удобнее. Я хочу кое-что записать.

Мисс Сильвер терпеливо ждала, раскрыв тетрадь и держа в руке остро отточенный карандаш, пока Роджер усаживался на стул с прямой спинкой за стол напротив нее. Тон ее голоса сохранил прежнюю вежливость, но заговорила она быстро и по-деловому:

– Если эти два случая на самом деле были покушениями на вашу жизнь, то вы, несомненно, нуждаетесь в помощи и защите. Но мне хотелось бы знать еще кое-какие детали. Вы говорили о протекшей трубе. Полагаю, вы внимательно ее осмотрели. Была ли она намеренно испорчена?

Роджер смущенно посмотрел на мисс Сильвер:

– Собственно, текла не труба, а кран.

Мисс Сильвер укоризненно посмотрела на Роджера.

– В этих делах очень важна точность, майор Пилгрим.

Он снял очки и принялся протирать их темно-синим носовым платком. Без очков взгляд его стал беспомощным и незащитным. Он отвел глаза в сторону.

– О да, конечно, вы правы. Сначала мы думали, что дело в трубе, но она оказалась целой. Собственно говоря, наверху не было водопровода, пока отец его туда не провел. Это было сравнительно недавно, и вся техника там новая и современная. Гардеробную в мансарде переделали в ванную комнату и отгородили закуток, для горничной поставили посудный шкаф, мойку и раковину. После того как потолок обвалился, мы обнаружили, что кран этой раковины открыт. Кто-то вставил в раковину затычку, и раковина, естественно, быстро переполнилась. Но все дело в том, что я не думаю, что это могло стать причиной обрушения потолка. Мойка находится не над спальней – это во-первых, и там набралось не так уж много воды – это во-вторых. Я очень много над этим думал. Над моей спальней находится пустой комод в комнате, которая не используется уже много лет. Кто-то мог вставить затычку в раковину и открыть кран, чтобы представить дело так, будто вода натекла оттуда, а на самом деле вылил несколько ведер воды под комод, из-за чего потолок и рухнул. Что вы думаете о такой возможности?

Мисс Сильвер неторопливо кивнула и спросила:

– Какое расстояние от раковины до края потолка вашей спальни?

– Приблизительно восемь или девять футов.

– Вода была под досками пола на протяжении всего этого расстояния?

– Да, вода там была, но, знаете, я бы не сказал, что ее было слишком много. Потолок в коридоре не просел. Правда, надо иметь в виду, что потолок спальни мог впитать просто уйму воды – со всей этой лепниной и нимфами.

– Да, я понимаю. – Мисс Сильвер кашлянула. – Много ли прислуги в «Приюте пилигрима»?

– В доме ночуют только муж и жена Роббинс. Они живут с нами, сколько я себя помню. Днем из деревни приходит девушка лет пятнадцати. Может быть, это она забыла завернуть кран. Но девушка уходит в шесть часов, а миссис Роббинс говорила мне, что набирала воду из крана в десять вечера, когда они с мужем ложились спать, и уверяла, что никогда в жизни не оставляла кран открытым. Так неужели она на этот раз изменила своей привычке?

Мисс Сильвер сделала запись в тетради: «Роббинсы ложатся спать в десять часов» и спросила:

– В какое время обрушился потолок?

– Около часа ночи. От этого жуткого грохота я и проснулся.

Мисс Сильвер еще раз повторила свою прежнюю ремарку:

– Да, это была рука Провидения. Вы считаете, что на вашу жизнь было совершено покушение. Я вижу, что вы совершенно искренне в этом убеждены. Могу я узнать, кого вы подозреваете?

Роджер надел очки и посмотрел в глаза мисс Сильвер.

– Не вижу ни малейших оснований кого-либо подозревать.

– У вас есть враги?

– Трудно сказать, но, во всяком случае, таковые мне неизвестны.

– Каким, по-вашему, мог быть мотив?

Роджер снова отвел взгляд.

– Может быть, все дело в продаже дома. Отец собирается его продать – и кобыла, на которой он ездил годами, вдруг сходит с ума и ломает ему шею. Я начинаю переговоры о продаже дома – и потолок, продержавшийся сто шестьдесят с гаком лет, вдруг рушится на мою кровать, а комната, где я разбираю бумаги, вдруг вспыхивает огнем, причем как раз в тот момент, когда я сплю мертвым сном.

Мисс Сильвер пристально посмотрела на Роджера.

– Вам на самом деле очень повезло. Вы не рассказали мне, как вам удалось выбраться из горящей комнаты.

– Знаете, в себя я пришел оттого, что загорелась моя штанина. Войдя в комнату с улицы, я повесил свой плащ на спинку стула. Обмотав им голову, я бросился к двери. Комнату заволокло дымом, я ничего не видел и двигался на ощупь. Все деревянные ящики были охвачены огнем. Но добравшись до двери, я не смог ее открыть. У меня возникла мысль, что ее заперли снаружи. Ключ торчал из замочной скважины с наружной стороны, я специально оставил его там, чтобы, уходя, запереть комнату.

– Боже мой, и что же вы стали делать?

– Я разбил окно и выпрыгнул на улицу, позвал из конюшни старого Уильяма и его внука, и мы вместе затушили пожар. Большая часть бумаг сгорела, но все могло быть намного хуже. К счастью, эта комната находится в самой старой части дома, а его стены сложены из камня, и поэтому огонь не смог бы распространиться на всю усадьбу.

– Это очень счастливое стечение обстоятельств. Майор Пилгрим, вы сказали мне, что, по вашему мнению, дверь была заперта. Я полагаю, вы это проверили.

– Понимаете, когда огонь потушили, дверь была отперта. Но факт остается фактом: я не смог ее открыть, когда это было надо, а потом так и не смог установить, кто ее отпер, потому что к тому времени весь дом был на ногах. Отпереть дверь мог кто угодно, никто не помнил, открывал он дверь или нет.

– Получается, что любой обитатель дома мог отпереть дверь, запереть ее, а возможно, что она и не была заперта?

Роджер Пилгрим опустил взгляд.

– Похоже, что так, – сказал он. – Но почему же тогда я не смог ее открыть?

Мисс Сильвер сменила тему:

– Майор Пилгрим, вы можете поименно перечислить мне всех, кто находился в доме во время этих двух инцидентов? Назовите имена и кратко опишите этих людей.

Роджер взял со стола листок писчей бумаги и принялся машинально складывать и снова разворачивать его с таким напряжением, словно от этого листка зависели его жизнь и смерть. Он неотрывно смотрел на листок бумаги, но мисс Сильвер сомневалась, что Пилгрим его видел. Он заговорил, сильно растягивая слова:

– Ну, я не знаю – видите ли...

Мисс Сильвер кашлянула и несколько раз стукнула карандашом по столешнице.

– Вы не женаты?

– О нет.

– И не помолвлены?

– Ну, знаете, фактически нет. Нет, я не помолвлен.

Она лучезарно улыбнулась Роджеру:

– Понимаю, я поторопилась с вопросом. Но мне думается, у вас есть привязанность. Была ли эта леди в доме во время тех двух происшествий?

– Нет, нет.

– Может быть, она была где-то поблизости?

– О нет.

– Тогда давайте вернемся к тем, кто был в доме. Вы назовете мне их имена?

– Дома были мои тети – сестры отца. Они обе намного старше его. Мой дед был женат дважды, мои тети – дети от его первого брака. У него было четверо детей – все девочки. Эти две никогда не были замужем и всегда жили в «Приюте пилигрима».

– Как их зовут?

– Тетя Колли – ее полное имя Колумба, и тетя Нетта – ее полное имя Джанетта.

Мисс Сильвер записала в ученической тетради: «Мисс Колумба Пилгрим; мисс Джанетта Пилгрим».

– Коротко расскажите мне о них.

– Хорошо. Тетя Колли Большая и тетя Нетта Маленькая. Тетя Колли помешана на садоводстве. Я не знаю, что бы мы без нее делали, так как мы не можем позволить себе садовника. Она и старый Пелл занимаются садом. Тетя Нетта занята исключительно вышиванием. За тридцать лет она сшила бесчисленное множество вышитых покрывал для стульев и кресел. Это поразительно пустая трата времени, но, видите ли, тетя Нетта – инвалид, и, наверное, вышивание позволяет ей скрашивать безрадостное существование.

Мисс Сильвер старательно записывала слова Роджера в тетрадку. Закончив писать, она подняла голову и сказала:

– Прошу вас, продолжайте.

– Кроме того, дома был мой двоюродный брат Джером Пилгрим. Его тяжело ранило под Дюнкерком. Нам пришлось нанять для него сиделку. Очень хорошо, что она у нас есть, заодно она присматривает и за тетей Неттой.

– Как зовут сиделку?

– О, ее фамилия Дэй. Лона Дэй.

Мисс Сильвер записала: «Джером Пилгрим – Лона Дэй» и поинтересовалась:

– Сколько лет вашему кузену?

– Джерому? Ну, тридцать восемь или тридцать девять. Если вам это нужно, то он капитан Пилгрим. До войны он был адвокатом, но на работе не напрягался, если вы понимаете, о чем я говорю. Зато он писал триллеры – и, надо сказать, неплохие. Но после Дюнкерка он ничем не занимается – беднягу на самом деле здорово ранило.

– Он прикован к постели?

Роджер изумленно посмотрел на мисс Сильвер.

– Джером? О нет, он вполне самостоятельно передвигается, за исключением тех случаев, когда не в настроении. У него нелады с головой. Врачи говорили, что он поправится, но он не поправляется.

Мисс Сильвер прочистила горло.

– Майор Пилгрим, я вынуждена задать вам этот вопрос: ваш кузен недееспособен?

Роджер снова оцепенел от удивления.

– Джером? О господи, нет! Конечно же нет, бедняга.

Мисс Сильвер не стала углубляться в эту тему. Если даже на этой стадии расследования ей казалось, что объяснения, предложенные майором Пилгримом, были недалеко от истины, все же природная осторожность удерживала ее от скоропалительных выводов. Мисс Сильвер ограничилась тем, что подчеркнула имя капитана Джерома Пилгрима и поинтересовалась:

– Это все жильцы «Приюта пилигрима»?

Роджера покорило от слова «жильцы». Он испытывал сильное раздражение от того, что встал вопрос о вменяемости бедного Джерома. Сначала разговор облегчил ему душу, но теперь он искренне жалел, что пришел к мисс Сильвер. Во всяком случае, на вопрос он ответил угрюмо и неохотно:

– Нет, еще в доме живут мисс Элиот и маленькая девочка.

Мисс Сильвер вопросительно и одновременно поощрительно взглянула на Роджера:

– Да?

Роджер объяснил:

– Она приехала к нам помогать по дому. Одну из деревенских девушек, которая у нас убиралась, мобилизовали, а другой всего лишь пятнадцать лет.

– А сколько лет мисс Элиот?

– О, она еще очень молода. Ее зовут Джуди. Думаю, что ей года двадцать два. Ее не мобилизовали, потому что у нее на руках маленький ребенок. Это дочка ее сестры, а ухаживать за ребенком некому, потому что отец и мать погибли во время бомбежки.

Мисс Сильвер склонила голову:

– Какая трагическая утрата.

Она записала: «Мисс Джуди Элиот», потом занесла над тетрадкой карандаш, ожидая, когда Роджер назовет имя ребенка.

– О, девочку зовут Пенни Фоссет. Ей, наверное, года четыре. Но они не имеют отношения к происшествиям, потому что появились здесь позже.

– Я поняла вас, майор Пилгрим. Кто унаследовал бы ваше имущество в случае вашей гибели?

Роджер вздрогнул, потом нахмурился.

– Мой брат Джек. Но мы не знаем, жив ли он. Последнее, что мы о нем слышали, – это то, что он находился в госпитале в Сингапуре, когда туда пришли японцы. Конечно, мы все надеемся, что он жив и здоров, но ничего о нем не знаем.

– То есть если бы вы погибли, вопрос о продаже дома был бы отложен на неопределенный срок?

– Вероятно, да. Во всяком случае, дом нельзя было бы продать до получения достоверных сведений о Джеке.

– Если вдруг выяснится, что ваш брат умер, то кто после него унаследует дом?

– Джером.

Повисло недолгое молчание. Решив, что оно слишком затянулось, мисс Сильвер заговорила очень серьезным тоном:

– Чем, как вы думаете, я могу вам помочь? Если вы хотите, чтобы я вам помогла, то я должна побывать в вашем доме. Это можно сделать двумя способами. Я могу приехать к вам официально и открыто, как частный детектив, или, что предпочтительнее, как обычный гость. Вы могли бы посвятить в это дело одну из ваших тетушек? Если да, то я смогу прийти к вам на правах ее старой подруги – может быть, одноклассницы.

Роджер с сомнением покачал головой:

– Можно все рассказать тете Колли, но ни в коем случае не тете Нетте, она слишком сильно разволнуется. Я могу все рассказать Лоне – она скажет, что вы ее тетя.

Мисс Сильвер заглянула в список имен.

– Мисс Лона Дэй, сиделка? Нет, это, я думаю, нежелательно. Лучше довериться мисс Колумбе. Люди, увлекающиеся садоводством, как правило, очень надежны. Эта работа воспитывает трудолюбие, терпение и упорство. Обычно такие люди спокойны и не склонны давать волю нервам. Вы забыли сказать, сколько лет мисс Дэй.

– Лоне? Разве? На самом деле я не знаю, сколько ей лет. Пожалуй, за тридцать. Она превосходная сиделка, и я не представляю, как бы мы стали обходиться без нее. Но ей, наверное, ближе к сорока, чем к тридцати, потому что, когда ее нанимали, мы что-то говорили о ее возрасте. Ее нанимали три года назад, до всей этой истории с Генри.

Мисс Сильвер покашляла и осведомилась:

– Кто такой Генри?

Глава 5

Когда Джуди приехала в «Приют пилигрима», шел проливной дождь. Дождь – это, конечно, не самое лучшее время для приезда и первого знакомства с домом. Старенькое такси, подхватившее их в Ледлингтоне, остановилось, не доезжая до дома, посреди деревенской улицы. Такой мокрой улицы Джуди, пожалуй, не видела ни разу в жизни, потому что с неба низвергались галлоны воды, а по левой стороне по зацементированной канаве с перекинутыми через нее мостиками, ведущими к воротам домов, несся бурный поток. Дома отделились от дороги палисадниками, а к воротам вели мощеные или засыпанные гравием подъездные дорожки.

Машина остановилась справа, и за пеленой дождя Джуди смогла рассмотреть что-то похожее на теплицу. Когда старый шофер открыл дверцу, Джуди увидела, что с улицы к дому ведет вымощенная глазурованной плиткой дорожка длиной около пятнадцати футов, защищенная от непогоды стеклянной галереей. Дом был виден довольно смутно из-за того, главным образом, что его с обеих сторон от ворот закрывала высокая кирпичная стена. Дом был большой и старинный, со множеством окон. Джуди поехала, представив, что ей придется мыть все эти окна.

Дверь застекленной веранды открылась, и Джуди, подхватив на руки Пенни, в несколько прыжков перебежала мокрую дорогу и оказалась на сухой циновке из кокосового волокна. Пол галереи был выложен мелкими красными и черными плитками, а циновка лежала вдоль прохода, по его середине. Стоявшие у стен стойки подпирали какие-то экзотические и на редкость уродливые растения. Скоро Джуди предстояло узнать, что эти растения были причиной вечных препирательств между мисс Колумбой и ее сестрой мисс Неттой, которая утверждала, что эти растения были здесь всегда и их поэтому следует сохранить, на что мисс Колли отвечала, что ни одно уважающее себя растение не выдержит сквозняков этой ужасной веранды и если Нетта так хочет их сохранить, то пусть сама за ними и ухаживает.

Джуди немного замешкалась у машины, расплачиваясь с водителем и собирая багаж, неизбежный при путешествиях с маленьким ребенком. К тому же надо было уследить за Пенни, которая мгновенно промокла до нитки.

Дверь галереи открыл дворецкий – пожилой человек с хмурым, неприветливым лицом. Она не поняла, был ли у него всегда такой вид, или он сразу решил показать молоденькой горничной, как они с миссис Роббинс относятся к девушкам с четырехлетними детьми. Дворецкий не смягчился даже после того, как Пенни, вежливо протянув ему ладошку, сказала «Здравствуйте!», выказав свои изысканные манеры.

Все вместе они вошли в просторный квадратный холл с дверями по обе стороны от входа и лестницей в дальнем конце, ведущей наверх. Дом показался Джуди большим и холодным, хотя на улице было отнюдь не холодно. Когда она потом анализировала свои первые впечатления, они состояли из дождя, большого холодного дома и хмурого лица мистера Роббинса.

Они устраивались, как это обычно бывает, когда весь дом уже спал. Им с Пенни отвели красивую комнату на втором этаже, и Джуди очень обрадовалась этому, так как ей не хотелось бы оставлять девочку одну под самым чердаком. Комната находилась непосредственно рядом с лестницей, дальше по коридору были комнаты кузена-инвалида и его сиделки, а еще дальше – ванная комната. Но Джуди с Пенни не воспользовались ею. Выйдя из своей комнаты, они спустились на один лестничный пролет по винтовой лестнице и оказались на неровном полу под невероятно низким потолком. Ванная здесь была просто огромной, стены ее были обшиты красным деревом. Это великолепие привело Пенни в полный восторг.

Отведенная им комната, однако, была вполне современной, с двуспальной кроватью, выкрашенной белой эмалью, что порядком удивило Джуди, ожидавшую увидеть старинную

кровать с четырьмя столбами и балдахином. Джуди улеглась на жесткий матрас, говоря себе, что все это не так уж и плохо и все будет намного лучше, когда закончится этот противный дождь; что было бы совершеннейшей глупостью думать о плохом, потому что все, в конце концов, всегда оборачивается к лучшему; и что вдвойне и втройне глупо испытывать неприятные чувства к «Приюту пилигрима» из-за того, что наговорил ей Фрэнк Эббот.

Джуди начала думать о здешних обитателях. Мисс Колумба вышла в холл встретить новую горничную. Для Джуди стало настоящим потрясением увидеть ее здесь после того, как они встречались в городе, когда мисс Колумба была в меховом пальто и фетровой шляпе. В твидовом костюме типа «Птичий глаз» и оранжевом свитере, подпиравшем двойной подбородок, она выглядела просто огромной, а ее густые курчавые седые волосы были по-мужски коротко острижены. Руки и ступни мисс Колумбы были так же огромны, как и она сама. Говорила она еще меньше, чем при их первой встрече. Тем не менее была мила и приветлива – это был тот сорт приветливости, который дается сам собой, будто от природы. Такие люди и вас воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Никто и никогда не подумал бы, что мисс Нетта – родная сестра мисс Колумбы. Мисс Нетта сидела в углу дивана с большими круглыми пальцами и работала своими крошечными белыми ручками, которые, вероятно, никогда в жизни не занимались ничем тяжелее вышивания. Единственное, что роднило ее с мисс Колли, – это сильно вьющиеся волосы, но у мисс Нетты они были серебристо-белыми, у а мисс Колли – серо-стальными. Все кудряшки были тщательно уложены, и казалось, что никакая сила в мире не способна сдвинуть их с места. «Интересно, – подумала Джуди, – сколько времени ей придется тратить на прическу?» Она уже пришла было к определенному выводу, когда ей сообщили, что комнату мисс Нетты нельзя убирать до полудня, потому что она завтракает в постели и не выходит до двенадцати часов.

– Я же инвалид и, боюсь, доставлю вам массу хлопот.

Джуди подумала, что мисс Нетта не слишком сильно похожа на инвалида с ее живыми голубыми глазами и румяными щеками, но разве можно судить о человеке по внешности? К тому же цвет лица можно улучшить румянами, причем очень искусно. Джуди показалось, что ее появление в доме стало еще одной, третьей заботой мисс Нетты – первыми двумя были вышивание и ее здоровье.

Еще был Роджер Пилгрим. Они вместе обедали, но не обменялись ни единым словом, если не считать «здравствуйте». Если мисс Нетта была совершенно не похожа на больного человека, то у Роджера как раз вид был довольно болезненный. К тому же он производил впечатление очень нервного человека. Рука его дрожала, когда он подносил к губам стакан, глаза бегали, и он резко вздрагивал, когда громко хлопала дверь. Опоздав на обед, он поднялся из-за стола сразу, как только трапеза закончилась, сказав:

– Прошу меня извинить. Пойду выкурю сигарету с Джеромом.

Когда Джуди вспомнила этот эпизод, до нее вдруг дошло, что Роджер молчал все время после приветствия и до извинения, с которым он встал из-за стола.

Имя кузена-инвалида по ассоциации сразу напомнило Джуди о мисс Дэй. Лона – так ее все здесь называли – была медсестрой, присматривавшей за капитаном Пилгримом и мисс Неттой. Одевалась Лона не как медсестра, потому что капитан Пилгрим ненавидел хрустящие белые халаты, а мисс Нетта находила медицинскую форму неизящной. Так и получилось, что мисс Дэй носила юбку из грубого твида и мягкий свитер. Будучи не очень молода, она сохранила хорошую фигуру, которую выгодно подчеркивал свитер. Лицо ее нельзя было назвать красивым – вытянутое, бледное, с зеленовато-голубыми глазами. Голову ее венчала густая копна отличных каштановых волос. Лона неуловимо напоминала кого-то Джуди, но никак не получалось вспомнить кого, и из-за этого Джуди испытывала вполне понятное раздражение. Однако потом она убедила себя в том, что никогда прежде не видела мисс Дэй, иначе непременно бы ее запомнила. В Лоне чувствовались теплота и искренний интерес к людям. Она, кажется, про-

никлась симпатией к Пенни и выказала сочувствие по поводу гибели Норы и Джона. О них обмолвилась за обедом не Джуди, а мисс Джанетта. Лона Дэй не сказала ни слова, но было видно, что ей не безразлично то, что она услышала. Зато она очень тепло отозвалась о капитане Пилгриме.

– Боюсь, что вам будет трудно убирать его комнату. Вам придется делать это, пока он в ванной, но он проводит там полчаса, потому что бреется и принимает ванну. Он долго не брился из-за шрама, но теперь начал, и я очень рада этому обстоятельству. Он так переживает из-за обезображивающего рубца, так страдает, бедняжка.

– Он никогда не спускается вниз?

– Нет, он спускается, когда у него хорошее настроение. Но встречаться с незнакомцами для него сущее мучение. К тому же он страшно боится напугать крошку Пенни. Какое она милое дитя. Нисколько не удивляюсь, что вы не смогли с ней расстаться. И как она хороша!

Это последнее высказывание полностью соответствовало действительности. Пенни была ангельским ребенком. Первое знакомство с чужим семейством прошло как нельзя лучше. Конечно, это чудо не могло продолжаться вечно, но начало прошло как по маслу. По крайней мере, в этот вечер Пенни делала все, что положено делать детям, воспитанным в викторианских традициях. Она отчетливо и к месту произносила: «Да, пожалуйста» и «Нет, спасибо», не уронила на пол ни одной крошки, не пролила ни капли на стол, а своим умением пользоваться туалетом заслужила похвалу мисс Колумбы.

– Правда, она похожа на большую слониху? – спросила Пенни, когда они ложились спать.

Засыпая, Джуди весело хихикнула, представив себе мисс Колли в таком экзотическом виде.

Глава 6

Утро следующего дня было ясным и солнечным. Пенни выбежала порезвиться в сад, а Джуди занялась хозяйственными делами, которых, судя по всему, было много. С утра надо было подать всем чай в спальни. Правда, в обязанности Джуди не входило собирать потом подносы – этим занималась приходящая деревенская девушка. Ее звали Глория Пелл, а старик садовник Пелл приходился ей дедушкой. У рыжеволосой Глории был острый, можно даже сказать бесстыжий, язычок, который она придерживала только в присутствии Роббинса, внушавшего ей – по непонятным причинам – большое почтение. Джуди терпела ее до одиннадцати, после этого Глория ушла на кухню, где поступила в распоряжение миссис Роббинс. Девушка приходила в дом в восемь утра и уходила в шесть вечера.

В тот первый день Глория вела себя чуть-чуть заносчиво, демонстрируя Джуди свое – пусть даже и дружеское – превосходство.

– Место здесь неплохое. Самое главное не перечить мистеру Роббинсу. Он тот еще фрукт – он и миссис Роббинс, но она распрекрасная повариха. Мама говорит, что другой такой возможности у меня не будет и чтобы я присматривалась и училась стряпать. Мама говорит, что на готовке можно заработать хорошие деньги. Вот моя тетка, Этель, готовит в одном из этих британских ресторанов и говорит, что у нее все в порядке. Но я не знаю, надо это мне или нет. Моя тетушка Мейбл говорит, что мои рыжие волосы надо уложить волнами и добавить пару-другую кудряшек, но миссис Роббинс заставляет меня расчесывать и выпрямлять их. Конечно, у нее самой волосы прямые, их не завьешь даже печной кочергой.

Дом был большой и до неприличия хаотичный. За застекленной викторианской верандой следовал фасад восемнадцатого века, скрывавший настоящую кроличью нору с множеством комнат, находившихся на разных уровнях и соединенных между собой переходами и лестницами, то круто забиравшими вверх, то падавшими вниз. Многие комнаты пустовали. «Это же просто ад для горничной!» – подумала Джуди, но, несмотря на это, дом вызвал у нее восхищение. От верхней лестничной площадки вправо и влево расходился расположенный на одном уровне коридор.

Глория, надувшись от важности, показала Джуди на дверь комнаты, в которой обвалился потолок.

– Там творится такой беспорядок! Но я не могу его сейчас показать, потому что мистер Роджер запер дверь и забрал ключ. После этого дела он переехал в соседнюю комнату. – Она распахнула дверь рядом. – Это лучшая спальня, кроме той, где все это случилось. Раньше там жил мистер Пилгрим. Потолок там точно такой же, как тот, который упал. Думаю, что и в новой спальне потолок такой же ненадежный. Мама говорит, что он слишком тяжелый со всеми этими пляшущими девками и цветами. Вообще, потолок не совсем приличный. Мама была здесь младшей горничной, до того как вышла замуж за папу. Сколько здесь было прислуги – просто пропасть! Мистер и миссис Роббинс были здесь всегда, они вечные – так говорит мама. В доме были еще судомойка, привратник – им командовал мистер Роббинс, главная горничная, моя мама, уборщица и мальчик, который чистил сапоги и ножи.

Джуди окинула взглядом огромную комнату и от души порадовалась, что ей не придется каждый день ее убирать. Комната была устлана безбрежным брюссельским ковром и уставлена тяжеловесной викторианской мебелью. Самым монументальным сооружением была, конечно, кровать восемнадцатого века с четырьмя столбами. Занавесок, правда, не было, но, судя по балдахину, они должны были быть тяжелыми и пышными. Кровать выцвела и приобрела ржаво-коричневый цвет, но в тех местах, где складки ткани прикрывали дерево от солнечного света, проглядывал исходный темно-красный цвет. Стены были оклеены обоями с цветочным орнаментом – гирляндами роз, перевязанных синими ленточками, однако из-за множества фото-

графий на стенах этот узор был виден лишь небольшими фрагментами. В большинстве своем эти фотографии были портретами. Очевидно, господину Пилгриму нравилось иметь под рукой всю свою семью.

Глория с удовольствием взяла на себя роль всезнающего гида.

– Это мистер Роджер, когда был маленьким. Никто не думал, что он выживет. А это миссис Пилгрим – она умерла, когда мистеру Роджеру была всего неделя от роду. А это мисс Джанетта и мисс Колумба, когда их представляли при дворе. А вот это – миссис Клейтон, ну, мисс Мэри Пилгрим.

Джуди перевела взгляд с тонкой и застенчивой мисс Колумбы, стоявшей рядом с почти не изменившейся мисс Джанеттой – обе были затянуты в белый атлас, – на фотографию улыбающейся красивой женщины с ребенком на коленях.

Глория понизила голос и затараторила дальше:

– Она умерла совсем молодой. На коленях у нее мистер Генри Клейтон, а вот это он – уже взрослый. Мама говорит, что он был тогда самым красивым молодым джентльменом из всех, кого ей приходилось видеть.

Джуди всмотрелась в портрет Генри Клейтона. Это имя ничего ей не говорило, она никогда прежде о нем не слышала. Сейчас она видела перед собой красивого молодого человека лет двадцати шести – двадцати семи. Он был поразительно похож на мать темными глазами, но исходившее от него очарование являлось его собственным качеством.

Глория отошла к двери, тихо затворила ее и вернулась назад.

– Потом начались очень странные вещи – когда он пропал.

– Он пропал?

Девушка закатила глаза и скривила губы в неподражаемой гримасе.

– Да, пропал. Правда, он уже был не такой молодой, как на этом фото. Его сделали очень давно, а пропал он всего-то три года назад. Он собирался жениться на мисс Лесли Фрейн. У нее много денег, и все говорили, что он хотел из-за этого на ней жениться. Он сделал ей предложение, но из этого ничего не вышло. Мама говорит, что нет ничего удивительного в том, что свадьба так и не состоялась. Но никто не знает, что с ним случилось. За три дня до свадьбы он пропал, и никто больше его не видел и ничего о нем не слышал. Мама говорит, что ему, наверное, стало стыдно за то, как он обошелся с мисс Лесли. Она всем здесь нравится. Она, конечно, не красавица, но ведь мистер Генри это знал, и если не был в нее влюблен, то не стоило все это затевать – я хочу сказать, свадьбу и все такое! Мама говорит, ему теперь стыдно показываться здесь после всего, что он сделал мисс Лесли. Только вы не говорите никому, что я вам рассказала. Если миссис Роббинс узнает, она мне такое устроит!

Девочка крадучись подошла к двери и осторожно ее открыла, словно опасаясь увидеть миссис Роббинс, прикинувшую к замочной скважине. Убедившись, что в коридоре никого нет, она хихикнула и продолжила свое повествование:

– Напротив – комнаты двух мисс Пилгрим. Вот эта – комната мисс Нетты. Она все утро одевается и приводит себя в порядок. К ней нельзя входить до полудня. Это дверь в их ванную. Дальше по коридору, рядом с лестницей, есть еще одна комната. Рядом с ней комната мистера Джерома. В ней можно убираться, только когда он в ванной. – Она криво и бесстыдно улыбнулась. – Вот видите, сколько здесь всяких фокусов. Напротив его двери – комната мисс Дэй. Она все время рядом, чтобы войти к мистеру Джерому, когда с ним бывает плохо. Обычно это случается по ночам. О, это так страшно. Я бы не стала здесь ночевать ни за какие коврижки, ни за какие деньги! Он так страшно кричит в это время, что кровь стынет в жилах. Бедный джентльмен. Я вам не завидую, потому что вам придется здесь спать.

Джуди решила, что пора приостановить этот поток красноречия.

– Откуда ты все это знаешь, если ты здесь не ночуешь?

Глория тряхнула копной рыжих волос.

– И не буду ни за что, даже если они встанут на колени и слезно попросят об этом! Но Айви, девушка, которая здесь работала раньше, – ночевала. Сейчас ее нет – ее мобилизовали, и теперь она работает на заводе, – вот она ночевала, но не выдержала. Мама приютила ее, и мы немного жили вместе с ней. Какая чуждая девушка! Вы бы ни за что не подумали, что мистер Джером может так кричать, если бы посмотрели на него. Правда, он не любит, когда на него смотрят, из-за того, что произошло с его лицом. Мама говорит, что он зря это делает, стыдиться тут совсем нечего. «Ему надо взять себя в руки и встряхнуться» – так говорит моя мама.

Джуди показалось, что она уже слишком много знает о маме Глории, и испытала большое облегчение, когда болтушка отправилась на кухню. Да, но сколько же здесь уборки и как мало отведено на нее времени!

Услышав щелчок замка ванной и увидев краем глаза мужскую фигуру в халате, открывшую дверь, она торопливо вошла в комнату Джерома, чтобы убраться в ней.

Джуди было интересно заходить в чужие комнаты. Они могут многое рассказать о своих обитателях. Эта спальня тоже многое рассказала ей о семье Пилгрим. Джуди подумалось, что это, наверное, самая красивая комната во всем доме и что только очень хорошие люди могли предоставить такую красивую комнату невесте откуда свалившемуся на их голову неимущему инвалиду. В комнате было два окна, выходивших в сад. Стена представляла собой застекленный эркер, и солнце почти всегда светило в комнату. Джуди подошла к окну и выглянула в сад, обнесенный высокой кирпичной стеной. Дорожки были вымощены и обрамляли многочисленные круглые, квадратные и прямоугольные клумбы, в которых мелкие хвойные растения контрастировали своей зеленью с голыми коричневыми ветвями кустарников. На клумбах цвели подснежники, начали пробиваться тюльпаны. Стены были обсажены аккуратно подстриженными фруктовыми деревьями и заплетены вьющимися розами. В дальней стене виднелись красивые кованые ворота, ведущие в другой огороженный сад. Потом Джуди узнала, что таких садов было четыре. Они переходили один в другой, и каждый следующий был больше и запущеннее, чем предыдущий.

Джуди отвернулась от окна и посмотрела на комнату в промежутке между занавесками, украшенными веселым растительным узором. В комнате стояли два больших удобных кресла, широкий диван и кровать с дорогим современным пружинным матрасом. Стены были уставлены книжными полками, на ночном столике лежали книги и стоял радиоприемник – это было все, что доброта могла предложить инвалиду, чтобы скрасить его несладкую жизнь.

Джуди принялась за работу, удовлетворенная этим открытием. Мимолетно вспомнила Фрэнка Эббота, который всячески пытался помешать ей приехать сюда, к этим добрым и милым людям. Эти чувства только усилились, когда, выйдя в сад, она увидела, как Пенни увлеченно играет на куче песка. Садовник снабдил девочку совком и множеством трехдольных ведерок, с помощью которых Пенни сделала десятки куличиков, украшенных камешками и красными ягодками, а неподалеку огромная мисс Колли в синих брюках и рыбацком свитере просеивала через сито землю в ящики и сеяла лук на рассаду. Ярко светило солнце, а старая теплица закрывала двор от ветра.

Глава 7

Солнечная погода продержалась два дня. Роджер Пилгрим уехал в город. Пенни играла в саду. Джуди работала по дому, и ей казалось, что так тяжело трудиться ей не приходилось еще ни разу в жизни. Потом полил дождь, и Пенни пришлось сидеть дома. Джуди дала ей совок для мусора, веник и тряпку. Однако когда Глория ушла вниз, Пенни потеряла всякий интерес к уборке. Встав перед Джуди, девочка повелительно взглянула на нее:

– Как это скучно – быть девочкой. Теперь девочка стала львом – злым, свирепым львом. Сделай ему хвост, чтобы он мог им махать – вжик, вжик!

Джуди прицепила к платьицу Пенни тряпку, и приблизительно полчаса все шло просто замечательно. Лев шипел, рычал, прыгал и носился по коридору. Джуди покончила с комнатой Джерома и выбросила ее из головы. Она сумела загнать маленького льва в противоположный конец коридора, когда Джером вышел из ванной.

Через несколько минут ее позвала мисс Нетта, и Джуди пришлось вместе с ней искать невесть куда закатившееся кольцо. Мисс Нетта в голубом домашнем халате то и дело поправляла свои кудряшки и время от времени произносила: «Интересно, куда оно закатилось?» или «Но должно же оно найтись». Когда Джуди обнаружила наконец кольцо и, вывозившись в пыли и раскрасневшись от духоты, вышла из комнаты мисс Нетты, Пенни нигде не было – ни в коридоре, ни в их спальне, ни в других комнатах, куда заглянула Джуди. К своему ужасу, она вдруг увидела, что одна из дверей была приоткрыта – дверь в комнату капитана Пилгрима. Если малышка вошла туда...

Малышка вошла. Прежде чем Джуди успела это осознать, она услышала грозное рычание, означавшее, что Пенни все еще была львом. В приоткрытую дверь Джуди увидела неистово болтающуюся из стороны в сторону тряпку и услышала, как Пенни, изо всех сил изображая свирепое рычание, сказала:

– Это злой лев. Он рычит и кусается. Это самый злой лев в целом мире.

Джером Пилгрим, подавшись вперед, сидел в кресле. На капитане был верблюжий халат, в котором он казался великаном. Одна сторона лица была довольно красива, хотя кожа на ней немного обвисла. Другая сторона, прикрытая ладонью, была обезображена большим неровным шрамом, идущим от виска к подбородку. В темных глазах, казалось, навечно застыла усталость. Волосы над насупленными бровями были почти черными, если не считать седой пряди, спадавшей на рубец.

Пенни прекратила рычать, сделала шаг вперед и с интересом спросила:

– Тебя кто-то укусил за лицо? Это был лев?

Джером отозвался низким хриплым голосом:

– Да, что-то в этом роде. Знаешь, ты лучше побегай в коридоре.

Пенни приблизилась еще на шаг.

– Я не злой лев, я теперь буду добрым львом. И не стану кусаться. У тебя болит то место, за которое укусил плохой лев?

– Да, иногда болит.

– Бедняжка... – ласково проворковала Пенни. – Тебе не поцеловали это место, чтобы оно не болело?

Джуди услышала, как Джером невесело рассмеялся.

– Нет, знаешь, не поцеловали.

– Глупые люди! – В голосе Пенни прозвучало презрение. Она потянулась к ладони, прикрывавшей шрам, встала на цыпочки и запечатлела на шраме влажный детский поцелуй.

Джером Пилгрим сильно вздрогнул, когда Джуди решительно вошла в комнату. Стараясь придать своему тону как можно больше будничности, она сказала:

– Прошу прощения, капитан Пилгрим. Меня позвала мисс Джанетта, и Пенни осталась без присмотра. Она еще не привыкла жить в чужом доме. Идем, Пенни!

Пока она говорила, Джером прикрыл шрам ладонью, но Пенни снова потянула его руку вниз.

– Нет, я не пойду, я останусь. Он сейчас расскажет историю – про льва...

– Пенни!

Джуди нахмурилась, но капитан Пилгрим, напротив, расцвел в улыбке:

– Да, историю про злого, свирепого льва.

В лице Джерома что-то изменилось, и Джуди подумала, что ему будет хорошо, если он побудет с Пенни, пока она сама приберет остальные комнаты. Джуди дружелюбно обратилась к нему:

– Ей понравится ваш рассказ, а я управлюсь вдвое быстрее. Но если она будет вам досажать...

В темных глазах промелькнула мрачная усмешка.

– Она умеет добиваться своего, да? Но лучше заберите ее отсюда, я не хочу, чтобы девочка боялась и ей потом снились страшные сны.

Джером был явно не готов к прямоте, с которой Джуди ему ответила:

– Не говорите глупостей! Почему это ей будут сниться страшные сны?

Слова были грубоватыми, но улыбка приятной и обезоруживающей. Красивая девушка – великолепные каштановые волосы, белые зубы – смотрела на него как на обычное человеческое существо, а не как на жалкого инвалида. Он положил руку на колено и произнес:

– Я, кажется, не слишком красив.

Он не мог не заметить на лице Джуди искреннее удивление.

– И это из-за шрама? Какая разница – есть он или нет? Мужчин не должна волновать их внешность. И почему Пенни начнет вас бояться, она же вас поцеловала, разве нет? Может, вы действительно побудете с ней, пока я закончу уборку? Это будет очень любезно с вашей стороны. Но если вы устанете или она сильно вам надоест, выпроводите ее. Я пока уберу ванную и комнату мисс Джанетты.

Она вышла, не дав ему времени на ответ, но оставила дверь приоткрытой. Дверь в ванную она тоже не стала закрывать. Вытирая ванну, Джуди слышала, как Джером рассказывает Пенни историю об Андрокле и льве. Девочка была заинтригована. Рассказ явно имел успех.

Когда Джуди забирала Пенни, глаза девочки горели. Пенни на прощание обняла Джерома за шею – это было с ее стороны наивысшее проявление любви, – и уходила она с большой неохотой.

В тот день, к удивлению всей семьи, Джером спустился к обеду и сел за общий стол.

Глава 8

– Завтра я собираюсь пойти в «Рошу святой Анессы», – сказала мисс Сильвер, – но перед этим мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Очень благодарна вам за то, что предоставили мне такую возможность.

Шторы на окнах уютной гостиной были задернуты. Мисс Сильвер была в своем лучшем летнем платье темно-зеленого цвета, украшенном своего рода азбукой Морзе из черных точек и черточек. Поверх платья была наброшена черная бархатная жакетка, глядя на которую в минуты своего наибольшего цинизма сержант Эббот думал, не купила ли ее мисс Сильвер задолго до Первой мировой войны. Сам он сидел перед камином на подбитом материей стуле с такими же гнутыми ореховыми ножками, как и у стула мисс Сильвер. Хлопнув ладонями по коленям, сержант посмотрел на мисс Сильвер и позволил себе мимолетную улыбку.

– Да, иногда и мы можем позволить себе расслабиться. Знаете, как верно заметил по этому поводу лорд Теннисон: «Как сладки нам часы безделья».

Мисс Сильвер кашлянула:

– Что-то я не помню такой строки.

Это было неудивительно, потому что ее господин Эббот только что придумал сам. Не переставая улыбаться, он, не смутившись, сказал:

– Это моя любимая строчка. Что вы хотели у меня спросить?

Ущипнуть Моды было самой большой радостью для Фрэнка Эббота. Самое интересное было в том, что он никогда не знал, смог ли он задеть ее. Иногда ему в душу закрадывалось подозрение, что смог. Он, усмехнувшись, посмотрел мисс Сильвер в глаза и сказал:

– Чем смогу...

Мисс Сильвер несколько мгновений молчала. Начальные ряды свитера для Этель удались, но сейчас она дошла до того места, где надо было внимательно считать петли. Некоторое время мисс Сильвер сосредоточенно шевелила губами, считая, и тишину нарушало лишь постукивание спиц. Потом она заговорила:

– Расскажите мне подробнее о семействе Пилгрим. Майор Пилгрим, когда был у меня, нервничал так сильно, что мне не хотелось, чтобы у него сложилось впечатление, что я подвергаю его допросу с пристрастием. Я хочу спросить у вас: он прежде не страдал невротами?

– Нет, насколько я могу судить, не страдал. Он никогда не отличался могучим здоровьем, но все свои болезни перерос. Ему, правда, пришлось многое пережить – знаете, пустыня, лагерь для военнопленных, побег, госпиталь, смерть отца, неопределенность в отношении брата... Думаю, он сказал вам, что о нем нет никаких вестей из Сингапура. Потом потолок обвалился, произошел пожар. Думаю, не приходится удивляться, что он стал таким нервным.

– Конечно, конечно. Бедный молодой человек. Надеюсь, мы сможем облегчить его состояние. Он написал мне и попросил завтра приехать в «Приют пилигрима». Я убедила майора Пилгрима, что будет лучше, если я приеду под видом обычной гостьи. Он рассказал все мисс Колумбе Пилгрим, и она согласилась участвовать в игре. Я представляюсь ее школьной подругой. Это возможно, потому что мисс Колумба училась в частной школе, а мисс Джанетта осталась дома и училась с дочками викария – у них была превосходная учительница. Так вот, я хочу спросить, можно ли положиться на мисс Колумбу?

Фрэнк Эббот от души рассмеялся.

– Она так мало говорит, что шансы на то, что проболтается, практически равны нулю. Она человек старой закалки, знаете ли, и всегда хранит свои мысли при себе. Не спрашивайте меня, что это за мысли, потому что о них известно только самой мисс Колумбе.

Мисс Сильвер снова принялась считать петли. Закончив ряд, она задала следующий вопрос:

– Что вы думаете о двоюродном брате Роджера – Джероме Пилгриме?

Фрэнк Эббот немного поразмышлял.

– О Джероме? Он один из лучших представителей этой семьи. Джером намного старше нас с Роджером. Сейчас подумаю: мне двадцать девять, Роджеру на пару лет меньше – а Джерому сейчас сорок один – сорок два года. Мы смотрели на него с обожанием – снизу вверх, ну вы понимаете, как это бывает у мальчишек. Потом пути наши разошлись, и я не встречал его много лет. Знаете, так бывает в жизни – человека долго не видишь, а потом он снова появляется, и перед тобой оказывается совершеннейшая развалина. В нашей встрече с ним не было ничего приятного.

Мисс Сильвер посмотрела ему в глаза.

– Фрэнк, вы знаете этих людей, знаете все их обстоятельства. Как вы думаете, Джером Пилгрим мог все это устроить?

– Нет, если, конечно, у него не помутился рассудок. Я хочу сказать, что тот Джером Пилгрим, которого я знал раньше, не был способен на подлое злодейство. Но после такого удара по голове...

– Это ранение сказалось на его душевном здоровье?

– Нет, не сказалось. Врачи надеялись, что все обойдется. Я думаю, дело в том, что он страшно стесняется своего шрама, считает это уродство большим, чем оно есть на самом деле, и убежден, что все приходят в ужас, увидев его лицо. Ему надо выходить на люди и преодолеть этот комплекс. Его всячески поощряли к этому – мои родственники, Лесли Фрейн и я. И что же вышло? Каждый раз, когда он пытается выбраться из своей скорлупы, состояние его становится еще хуже. У него снова начались ночные кошмары, своими криками он поднимает на ноги весь дом. Тогда врачи велели оставить его в покое и не торопить события, ожидая, что все устроится само собой. И вот так все и ждут! Им еще повезло с сиделкой – кажется, она очень хорошо его понимает.

– Мисс Лона Дэй?

– Да, они все очень ей доверяют.

– Давно она находится в доме?

– По-моему, года три... да, скорее всего так, потому что она была там, когда пропал Генри Клейтон.

Мисс Сильвер положила вязанье на колени и спросила:

– Вы не можете рассказать мне и об этом?

– О Генри Клейтоне? – Фрэнк, казалось, был немало удивлен этой просьбой.

– Если можно.

– Ну, это очень старая история, едва ли имеющая отношение к нашему делу. Она никак не связана с тем, что происходит сейчас, но достаточно стара, чтобы возбудить любопытство. Генри Клейтон приходился двоюродным братом Роджеру и Джерому. Его мать была сестрой мисс Колли и мисс Нетты. Он был ровесником Джерома. Вел Генри себя как перекасти-поле. Он занимался немного сельским хозяйством, немного радиоразведкой, немного журналистикой. Когда началась война, попал в министерство информации – не спрашивайте меня как. Что можно про него сказать? Компанейский парень, куча друзей и ни цента в кармане. К концу странной войны состоялась его помолвка с Лесли Фрейн. В связи с политическими неурядицами того лета речь о свадьбе зашла только в начале сорок первого года. Сказать по совести, в деревне все были того мнения, что Генри отнюдь не горит желанием жениться. Не знаю, рассказывали ли вам о Лесли. У нее хорошая фигура и золотое сердце, но хорошенькой ее не назовешь, а Генри – судя по отзывам знавших его людей – любил смазливый мордашки. Правда, Лесли Фрейн – невеста с большим приданым. У нее много денег, и, вероятно, Генри надеялся, что часть их перепадет и ему. Как говорит по этому поводу Теннисон: «Не женись на деньгах, просто иди туда, где они лежат».

В голосе мисс Сильвер прозвучал упрек, когда она заговорила:

– Слова, вложенные в уста простого крестьянина, возможно, не отражают чувств самого лорда Теннисона.

Фрэнк поспешил успокоить мисс Сильвер:

– Это верно, конечно. Но давайте вернемся к Генри. Мы как раз подходим к кульминации истории. За три дня до свадьбы между Генри и Лесли произошла стычка. Никому не известна ее причина. Я говорю «стычка», потому что так их разговор назвала сама Лесли Фрейн. Она говорила, что ничего серьезного не произошло, это была не ссора. Я знаю все это доподлинно, потому что расследованием занимался Скотленд-Ярд, поскольку Генри жил в Лондоне и служил в министерстве информации, а меня привлекли к этому делу, так как я знаю обитателей усадьбы.

Мисс Сильвер согласно кивнула:

– Да, это так.

Положив руки на колени и глядя на огонь, Фрэнк продолжил:

– Эта размолвка состоялась примерно в середине дня, а потом не происходило ничего примечательного до половины одиннадцатого вечера, когда Роббинс – дворецкий – запирает на ночь ворота. В «Приюте пилигрима» спать ложились рано: дамы в десять, а отец Роджера отходил ко сну в десять пятнадцать – старик был тогда еще жив. Роббинс думал, что все уже поднялись наверх, и спустился вниз, но, проходя мимо кабинета, услышал, что Генри Клейтон говорит по телефону. Слуга никому ничего не сказал, остановился у двери и прислушался. Генри говорил: «Нет, Лесли, конечно, нет. Дорогая, как ты вообще могла такое подумать? Послушай, я сейчас приду». Возникла пауза – видимо, Лесли что-то говорила, а потом Генри сказал: «Нет, еще не поздно – всего половина одиннадцатого», – положил трубку и вышел из кабинета. Роббинс едва успел отойти от двери. Потом Лесли Фрейн подтвердила этот разговор и сообщила, что Генри позвонил, чтобы уладить конфликт. Она сказала ему, что время уже слишком позднее для визита. Короче говоря, Генри вышел в холл и сказал Роббинсу, что идет к мисс Фрейн, а потом добавил: «Я ненадолго, но вы меня не ждите. Я возьму ключ, сам запру дверь и накину цепочку». После этого он вышел из дома.

Мисс Сильвер снова застучала спицами.

– Генри был в вечернем костюме?

– Нет, в то время часто объявлялась воздушная тревога, и мужчины одевались просто. На Генри был в тот момент будничным синий костюм. Погода стояла теплая, а до дома Лесли Фрейн идти недалеко – каких-нибудь пятьдесят ярдов. Генри положил в карман ключ и вышел. Лесли Фрейн ждала его. Отойдя от телефона, она подошла к окну, выходящему на улицу. Стояла ясная лунная ночь. Из окна был хорошо виден «Приют пилигрима». К входу «Приюта» ведет немного странная стеклянная галерея, соединяющая вход с воротами, выходящими на деревенскую улицу. Мисс Фрейн видела, как Генри вышел на улицу и направился к ее дому. Задержав занавески, она отошла в противоположный конец комнаты, чтобы он не видел, с каким нетерпением она его ждала. Шли минуты. Генри не появлялся. Мисс Фрейн сказала ему, что оставит дверь незапертой, и он сможет просто войти в дом, но он не вошел. Прождав некоторое время. Лесли не выдержала, приблизилась к окну и выглянула на улицу. Там никого не было.

Фрэнк повернулся и посмотрел на мисс Сильвер:

– Вот так! Генри Клейтона видели, когда он выходил из «Приюта пилигрима», но в «Обитель святой Агнессы» он так и не пришел. С тех пор его никто не видел и ничего о нем не слышал.

– Господи, Фрэнк!

– Я же говорил, что это было очень странное происшествие. Его хватились только утром. Все, конечно, решили, что он ушел на станцию. Никто не думал, что он был безумно влюблен

в Лесли, и все посчитали, что он просто сбежал. Если бы не война, думаю, Скотленд-Ярд пришел бы к такому же выводу. Каждый год в стране исчезает масса людей, но исчезнуть во время войны не так легко, как в мирное время. Генри был не мальчик – ему было под сорок, и он являлся правительственным чиновником. Когда идет война, невозможно исчезнуть со службы, не рискуя очень большими неприятностями. Есть личные документы, продовольственные карточки – бросить все было не так-то легко. Я отправился в «Рошу святой Агнессы» и занялся расследованием. Семья была сильно расстроена. Лесли – ну, она очень мне нравится, хотя, должен сказать, что едва ли выдерживал общение наедине с Генри больше пяти минут, – так вот, она не устраивала никаких истерик, вела себя просто и с достоинством, хотя было видно, что ей очень тяжело.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Сколько времени мисс Фрейн провела в глубине комнаты после того, как отошла от окна, увидев идущего к ней мистера Клейтона?

– По ее словам, не больше четырех минут. Она была у камина, на полке которого стоят часы, и следила за временем.

– Вы говорите, что от «Приюта пилигрима» до дома Лесли Фрейн не больше пятидесяти ярдов. Есть ли в этом промежутке переулок или какая-нибудь боковая улочка?

– Нет. Стена усадьбы «Приют пилигрима» занимает половину расстояния. Стена очень высокая, на нее не вспрыгнешь. Есть входы в гараж и конюшню, но они были в это время заперты. Потом располагается здание банка графства, но он давно закрыт, потом две-три лавки, а дальше начинается дом Лесли. Противоположная сторона уставлена деревенскими домами, которые стоят в глубине, а перед всеми воротами – сады и огороды. Если бы Генри решился бежать, то он, конечно, мог бы воспользоваться проходами между домами, но зачем, спрашивается, ему пробираться по вспаханной земле в сторону, противоположную от железной дороги? Да и как он мог бежать в зимнюю ночь, пусть даже и теплую – стоял февраль, но это все же еще зима, – с непокрытой головой, в костюме, без шарфа и без вещей? Вам не кажется, что это не слишком правдоподобная версия? Если, конечно, с ним не случилось какое-нибудь помрачение сознания, если он забыл, кто он и куда идет, и отправился наобум в никуда.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Его могла подобрать какая-нибудь машина.

Фрэнк кивнул:

– Могла. Но по улице в тот момент не проезжала ни одна машина. Мисс Фрейн прислушивалась к тому, что происходило на улице, и не пропустила бы звук машины.

– Конечно, – согласилась мисс Сильвер. – Мисс Фрейн услышала бы машину, если бы она проехала мимо. Значит, ее там не было. Но не думали ли вы о другой возможности? Допустим, мистер Клейтон действительно отправился к мисс Фрейн, но по дороге передумал и вернулся назад. Он вернулся в дом и некоторое время пробыл там. Наверное, у него был какой-то очень серьезный внутренний конфликт, вынудивший его внезапно исчезнуть буквально накануне свадьбы...

Фрэнк, не дождавшись конца предложения, энергично покачал головой:

– В дом он не возвращался. Роббинс ни за что не доверил бы Генри запира́ть дом. Он служит в «Приюте пилигрима» с тех пор, когда Генри и Джером еще ходили в школу, а вы же знаете, каковы эти старые слуги. Дети хозяев навсегда остаются в их представлении детьми. Он не доверял Генри, он не верил в свадьбу, ну и так далее. К тому же старый мистер Пилгрим очень щепетильно относился к вовремя запертым дверям, и поэтому Роббинс поднялся к мисс Роббинс, сказал ей, что задержится, вернулся в холл и принялся ждать.

– Как долго он ждал?

– Он слышал, как часы пробили полночь, а потом нечаянно уснул. Проснулся он, когда часы били шесть утра. Генри Клейтон домой не возвратился.

Мисс Сильвер испытующе посмотрела на Фрэнка:

– Роббинс проспал шесть часов. Откуда же он мог знать, возвратился Генри домой или нет?

– Он знал это, потому что прежде чем садиться ждать, он накинул цепочку на входную дверь.

– Зачем он это сделал?

Фрэнк рассмеялся.

– Знаете, он очень неохотно ответил на этот вопрос, когда я его ему задал. Мне кажется, он просто был уверен, что невзначай заснет, и очень не хотел, чтобы Генри застал его спящим. Поэтому он и накинул цепочку. С цепочкой в дверь войти невозможно, сами понимаете. Так что Генри домой не возвращался.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Он мог вернуться в тот момент, когда Роббинс разговаривал с женой, разве нет?

Фрэнк удивленно посмотрел на мисс Сильвер:

– Наверное, да. Но зачем Генри стал бы это делать? Он позвонил Лесли по своей доброй воле, он сам захотел прийти к ней и поговорить. К тому же он только что покинул дом. Зачем ему было через минуту возвращаться назад? Если же он вернулся, то когда он снова ушел? На дверь была изнутри накинута цепочка, значит, уйти через входную дверь он не мог. В доме есть еще задняя дверь и, кроме того, выход через конюшню. Я расспросил Роббинса относительно этих дверей – обе были заперты, а ключи оставались в замочных скважинах. Окна первого этажа снабжены старинными ставнями, запертыми металлическими запорами. Роббинс клянется, что все окна были закрыты и заперты, когда он утром обходил усадьбу. Генри, конечно, мог выпрыгнуть из окна второго этажа. Но, ради бога, объясните мне, зачем ему было это делать, рискуя сломать ногу, если он мог спуститься на первый этаж и выйти через кухонную дверь? Но и в этом случае я не вижу никаких преимуществ в таких действиях. Усадьба огорожена стеной высотой десять футов, а все ворота заперты изнутри. Я на двенадцать лет моложе Генри, на дюйм выше и на тридцать фунтов легче, но и мне было бы очень затруднительно вскарабкаться на такую стену. Кроме того, он вполне мог пройти мимо Роббинса, не разбудив его, если бы хотел уйти, – и ушел бы через парадную дверь. Но в этом случае цепочка не была бы накинута. Нет, эта версия не проходит – он не возвращался в дом. Выход из стеклянной галереи остался незапертым после того, как Генри вышел из дома, и ключ торчал в замочной скважине изнутри.

Мисс Сильвер несколько минут молча вязала. Потом спросила:

– Как вы думаете, Фрэнк, что с ним произошло?

– Ну, я же говорил вам, что он был перекаати-поле. Думаю, он пошел к Лесли, но по дороге что-то стукнуло ему в голову. Вы же помните, что они перед этим поссорились. Если бы они помирились, то Генри был бы сейчас жив, здоров и на месте. Может быть, он решил, что шансов на примирение нет. Может, подумал, что продает себя за чечевичную похлебку. Может, решил все порвать и бежать – и сделал это, рванув, так сказать, к свободе. Допустим, что он сделал это без всякого первоначального плана – просто проголосовал и уехал на первой остановившейся машине – ночь была светлая.

– Да? – тоном доброго следователя произнесла мисс Сильвер. – И что же было дальше?

– Дальше он мог выдать себя за другого, сочинить подходящую легенду и получить новые документы. Я занимался сотней таких историй. Думаю, что именно это и произошло. Для меня несомненно одно – на поезде он не уехал. Рядом с усадьбой находятся две железнодорожные станции, до которых можно добраться пешком, – Бершот и Ледлингтон. В Бершоте его бы опознали, а в любом другом месте сразу бы заподозрили, как заподозрили бы любого человека, который ночью расхаживает по улицам без шляпы и пальто.

– И потом его уже никто ни разу не видел?

– Нет, с тех пор его никто не видел и ничего о нем не слышал.

Глава 9

Некоторое время в гостиной было тихо. Однако эта пауза не показалась собеседникам долгой. Первым нарушил молчание Фрэнк Эббот:

– Пуд соли мы с вами еще не съели, но я вижу, что если не подбросить в камин угля, то огонь, пожалуй, погаснет. Вы позволите?

– Конечно, конечно, – любезно позволила мисс Сильвер.

Она смотрела, как он ловко раздул огонь и бросил в камин несколько совков угля. Старший инспектор уголовной полиции Лэмб говаривал, что, если бы Фрэнк не был годен ни на что другое, его надо было оставить в штате, потому что никто, кроме него, не умеет так хорошо топить камин. Для Фрэнка разведение огня было способом отвлечься и освежить голову.

Когда пламя в камине стало устойчивым и надежным, мисс Сильвер снова заговорила:

– У меня есть еще несколько вопросов, и, если вы не против, я сделаю несколько записей.

Она отложила вязанье, встала с кресла, подошла к столу и раскрыла свою зеленую тетрадь. Фрэнк Эббот тоже встал и, подойдя к столу, устроился у противоположного его края.

– Итак, чем могу быть полезен? – спросил он.

– Вы можете сказать, кто находился в доме в то время, когда исчез мистер Клейтон?

Фрэнк начал перечислять, загибая пальцы:

– Мистер Пилгрим, мисс Колумба, мисс Джанетта, Роджер...

Мисс Сильвер остановила его своим характерным кашлем.

– Раньше вы его не упоминали.

– Да? Знаете, он как раз находился в недельном отпуске и был поэтому дома. – Он снова загнул четвертый палец на левой руке – «Роджер», а затем продолжил: – Джером, Лона Дэй, сам Генри... и прислуга.

Записав имена, мисс Сильвер подняла голову.

– Кто именно из прислуги был в доме?

– В то время? Сейчас скажу... Мистер и миссис Роббинс, две деревенские девушки – Айви Раш и Мэгги Пелл. Вот, пожалуй, и все. Правда, Мэгги и Айви – прислуга приходящая, и их можно исключить из списка.

Мисс Сильвер записала и это.

– Кто был в доме, когда погиб мистер Пилгрим?

– Те же, кроме Роджера. Его как раз в то время взяли в плен на Среднем Востоке.

– Кто находится в доме сейчас?

Выгнув бровь, Фрэнк подумал: «Роджер должен был ей об этом сказать. Зачем она спрашивает об этом у меня?» Вслух он сказал другое:

– Те же плюс Роджер и минус две девушки, которых мобилизовали. Вместо Мэгги в доме сейчас работает ее младшая сестра. Их бабушка, старый садовник Пелл, давно работает у Пилгримов, кажется, с 1901 года.

– Другую девушку сменила Джуди Элиот?

Подняв голову, когда задавала этот вопрос, мисс Сильвер уловила перемену в выражении лица Фрэнка. Эта перемена была настолько мимолетной, что другой человек мог бы ее и не заметить. Но мисс Сильвер ее заметила и поэтому заметила и перемену в интонации, хотя ей было трудно определить, в чем состояла эта разница.

– Ах да, – сказал Фрэнк. – Она моя хорошая знакомая, но я не имею никакого отношения к ее переезду туда. Наоборот, я всячески ее отговаривал. Она взяла с собой еще и ребенка – дочь своей сестры. Мне очень не нравится, что они там, очень не нравится. Поэтому я очень рад, что вы согласились туда поехать.

В этом признании не было ничего хорошего. Теперь он подставился и справа и слева. Моды теперь видела его насквозь.

Но что бы ни видела мисс Сильвер, она удержала это при себе. Дружелюбное внимание к Фрэнку осталось неизменным, когда она сказала:

– Мне думается, что для них в этом нет никакого риска.

Фрэнк протянул к мисс Сильвер руку:

– Послушайте, чего вы добиваетесь, составив эти три списка? Вы пытаетесь установить связь между исчезновением Генри и тем осиным гнездом, в которое превратился дом Роджера?

Мисс Сильвер издала уже ставшее привычным покашливание.

– Мой дорогой Фрэнк, за последние три года в «Приюте пилигрима» произошло множество странных событий. Мистер Генри Клейтон исчез накануне свадьбы. Мистер Пилгрим погиб от несчастного случая, который его конюх и его сын таковым не считают. Теперь его сын убежден в том, что на него дважды совершали покушение. Я не утверждаю, что все эти события связаны между собой, но такие странные совпадения нуждаются в тщательном расследовании. Я хочу знать еще одну вещь. Когда исчез мистер Генри Клейтон, у него были при себе деньги?

Фрэнк вздрогнул и резко выпрямился.

– Знаете, да. Мне следовало сразу сказать вам об этом. Это одна из причин, по которой он мог решиться на такую выходку. Мистер Пилгрим дал ему чек на пятьдесят фунтов – в качестве свадебного подарка. Генри попросил дать ему наличные, объясняя это тем, что они ему понадобятся на медовый месяц. Все в семье знали, что старик Пилгрим хранил деньги дома. Когда Генри попросил дать ему наличные, старик взял назад чек и порвал его. Мне об этом рассказывал Роджер – вся сцена происходила при нем. Он же рассказал мне, что отец поднялся к себе и вернулся с четырьмя купюрами по десять фунтов и двумя – по пять. Генри достал бумажник и положил туда деньги.

– Были ли другие свидетели?

– В это время в комнату вошел Роббинс – он принес дрова для камина как раз в тот момент, когда Генри клал деньги в бумажник. Роббинс показал, что видел, как Генри прятал бумажник во внутренний карман пиджака, но не знал, зачем он его доставал, а потом просто перестал об этом думать.

– О банкнотах ничего не известно, Фрэнк? Удалось ли их обнаружить?

Фрэнк поднял руку и снова ее опустил.

– Нам не удалось узнать номера банкнот. У Пилгримов полно земельной собственности, они сдают ее в аренду, и старик сам собирал арендную плату. Он верхом объезжал угодья, мило болтал с арендаторами и возвращался домой с наличными. Собранные деньги он прятал. Старик не любил связываться с банками, предпочитал всегда иметь деньги под рукой. Роджер рассказал мне, что после смерти старого Пилгрима в жестянке под кроватью нашли около семисот фунтов. Бог знает, сколько пролежали у него деньги, которые он дал Генри, и от кого он их получил.

После этого Фрэнк собрался уходить. Однако, спустившись на одну ступеньку в холл, он вдруг вернулся в гостиную. В конце концов, чем он рискует? Моды и так много знает. Полировку наводят грубой шкуркой. Он, как можно более небрежным тоном, сказал:

– Между прочим, вы можете доверять Джуди Элиот. У нее есть голова на плечах, она все схватывает на лету. Кстати, она знает о вас и знает, что вы можете приехать в «Приют пилигрима».

Мисс Сильвер испытующе посмотрела на Фрэнка. Во всяком случае, ему так показалось – взгляд был укоризненным, поощряющим и, к его большому облегчению, понимающим.

– Мой дорогой Фрэнк, я верю, что она сможет держать язык за зубами, – сказала мисс Сильвер.

Глава 10

Мисс Колумба объявила о предстоящем приезде мисс Сильвер за вечерней трапезой, которую все в доме, за исключением мисс Джанетты и Роббинса, называли ужином. Собственно, это объявление выглядело как ответ на вопрос Роджера, который как бы невзначай поинтересовался: «Когда ты ждешь в гости свою подругу мисс Сильвер?», на что мисс Колумба односложно ответила: «Завтра».

За столом возникло мгновенное замешательство. Лона Дэй подняла голову, как будто собираясь что-то сказать, но передумала и промолчала.

Мисс Нетта повернулась к сестре с быстротой гелиотропа:

– Твоя подруга мисс Сильвер? Никогда о ней не слышала. Кто она?

За мисс Колумбу ответил Роджер:

– Это старая школьная подруга тети Колли. Я случайно встретил ее в городе. Она сказала, что ей хочется на недельку поехать в деревню, и я пригласил ее к нам. – Он нервно покатал пальцами хлебную крошку, а Джуди вся превратилась в слух, подумав, что, в сущности, все мужчины – никуда не годные создания.

– Школьная подруга? – раздраженно переспросила мисс Нетта. – Мой дорогой Роджер! Колли, кто эта женщина и почему я никогда от тебя о ней не слышала?

Мисс Колумба продолжала с невозмутимым видом есть рыбу. В противоположность сестре, одетой в шелестящий шелк, она сидела за столом в просторном шерстяном одеянии табачного цвета, которое когда-то было повседневным платьем. Оно все еще грело, и мисс Колумба не видела причин с ним расставаться.

– Понятно, что это моя ровесница. В прошлом она была домашней учительницей.

Сказав это, мисс Колумба вновь принялась за рыбу.

Позже, в утренней комнате, которой пользовались вместо большой гостиной, так как ее было легче отапливать, Лона Дэй сказала Джуди то, о чем промолчала за ужином:

– Я не хочу, чтобы он кого-то сюда приглашал. Конечно, я не имею права голоса, но мне это не нравится. Я не знаю Роджера так хорошо, как члены семьи, но это очень плохо для капитана Пилгрима.

Джуди задумалась: «Как это странно, она говорит, что не знает Роджера, но называет его по имени, а Джерома при этом называет капитаном Пилгримом? Разве не его она должна знать почти что изнутри? Правда, он старше Роджера, как, впрочем, и она. Интересно, кстати, сколько ей – наверное, лет тридцать пять? Она всегда одета в черный бархат».

Джуди едва удержалась от усмешки, представив себе, чем должна заниматься сиделка или медсестра. Но смешливость исчезла, когда Джуди, как в первый вечер, вдруг показалось, что она где-то видела эту женщину, и на этот раз она вспомнила. Лона Дэй своим длинным черным бархатным платьем и золотисто-каштановыми волосами была, несомненно, похожа на шотландскую королеву Марию Стюарт. Глаза ее источали неподдельное очарование – теплое и неотразимое. Не хватало только жесткого гофрированного воротника и шотландского берета с пером. Идея показалась Джуди такой занимательной, что она некоторое время слышала только интонации голоса Лоны Дэй, не вникая в смысл сказанного.

Когда Джуди снова стала различать слова, Лона говорила:

– Я знаю, что ему очень нравится разговаривать с ней, и мне отвратительна сама мысль о том, чтобы лишать его этой радости, но меня очень тревожит это общение. Вы понимаете меня, я надеюсь?

Джуди не имела ни малейшего понятия, о чем она говорит, но надеялась, что следующей фразой Лона ее просветит. Так и случилось.

– Она – очаровательное дитя, но мне кажется, что ее не стоит пускать в его комнату.

– Но, мисс Дэй, капитан Пилгрим очень сильно привязался к девочке, и, честно говоря, я думаю, что общение с ней идет ему только на пользу.

– Я знаю, но ему нужен абсолютный покой. Все эти истории, которые он ей рассказывает, могут ему серьезно навредить. Знаете, он когда-то писал, и я боюсь, что он снова вернется к этому занятию.

– Но почему ему и в самом деле к нему не вернуться? Мне кажется, что для него это было бы очень хорошо.

Лона отрицательно покачала головой:

– Боюсь, что нет – это слишком его взволнует. Этого мы должны избегать любой ценой – он ни в коем случае не должен волноваться.

В Джуди разыграл странный дух противоречия. Что может быть плохого для Джерома Пилгрима в том, что он сочиняет забавные истории для четырехлетнего ребенка? Она подумала: «Они все подняли вокруг него ненужную суету. Мне кажется, что сейчас самый главный его враг – это смертельная скука. Я не буду мешать Пенни видаться с ним, если он этого захочет».

Лона Дэй печально улыбнулась, словно прочитав мысли Джуди.

– Вы, конечно, думаете, что это вздор, не так ли? Это вполне естественно – так думать. Но мы все любим его и чувствуем себя виноватыми – мы же стараемся изо всех сил ему помочь. Вы, конечно, не знаете, сколько заботы он требует. Если бы вы видели его во время его приступов, то все бы поняли. Надеюсь, вы их не увидите.

Джуди ощутила, как по спине пробежал холодок. Ее предупредили, ее предупредили о Пенни.

Словно опять прочитав ее мысли, Лона сказала:

– Не оставляйте ребенка с ним наедине, моя дорогая.

С этими словами она встала и направилась в комнату мисс Джанетты.

Мисс Сильвер приехала на следующий день и к чаю вышла одетой по-домашнему – в домашних туфлях, с убранными под сетку волосами и с мешочком для вязанья, перекинутым через руку. Она выглядела так, будто провела в доме несколько недель. Избегая трудностей запоминания имен, она непринужденно заменяла их обращением «моя дорогая», успокоила мисс Колумбу тем, что задавала ей вопросы, не требовавшие ответа. Впрочем, нашла что сказать каждому, и когда с чаем было покончено, мисс Сильвер завоевала сердце мисс Джанетты своим интересом к вышитым мебельным чехлам. Интерес этот, впрочем, был совершенно искренним. Мисс Сильвер от души восхищалась узором, цветовой гаммой, мелкими стежками, розовыми и голубыми розами на пастельно-сером фоне. Вышивка и в самом деле была очаровательной, просто очаровательной. Отличная работа.

С мисс Дэй она беседовала на другие темы. У сиделки очень интересная жизнь. Это такая неповторимая возможность изучать чужие характеры. К тому же сиделки часто путешествуют. Разве мисс Дэй не приходилось путешествовать?.. О, приходилось? На Восток? Как это интересно. Наверное, в Китай. Нет? Ну, значит, в Индию... Как интересно, это же настоящая страна чудес.

– У меня самой не было возможности путешествовать, – призналась со своим характерным покашливанием мисс Сильвер. – Труд домашней учительницы ограничивает.

– Вы все еще работаете?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Нет, я уже на пенсии.

Джером Пилгрим в тот день не вышел к чаю, оставшись у себя в комнате. Спускаясь к ужину, Джуди чувствовала, что ноги очень неохотно ей повинуются. Чем дальше она уходила

от оставленной в комнате Пенни, тем явственнее звучали в ее ушах слова, сказанные Лоной Дэй: «Не оставляйте ребенка с ним наедине, моя дорогая».

«Не оставляйте ребенка...» Но она уже оставила Пенни одну, а всего лишь через несколько дверей от их спальни находится дверь, за которой в своем большом кресле сидит Джером Пилгрим. Она живо представила себе, как он сидит, подперев рукой голову и глядя на огонь. Положим, что он действительно ненормальный. Положим, что он опасен и... нет, она не могла даже предположить, что он ударит Пенни! Против воли ноги ее остановились. Она повернула назад. Фрэнк не хотел, чтобы она ехала сюда, умолял ее не делать этого. Но она проявила глупое упрямство.

Она была уже у двери своей комнаты, когда отворилась дверь в противоположном конце коридора, и Джером вышел из своей комнаты – он был в темном костюме и опирался на трость с резиновым наконечником, с которой ходил по дому. Испуганная Джуди неуверенно остановилась. Джером приветливо окликнул ее:

– Вы вниз? Может быть, мы спустимся вместе?

Настроение Джуди резко переменилось. Пережитый всего мгновение назад страх показался чудовищно смехотворным. Ей стало так стыдно, что она, отвечая, постаралась придать голосу теплоту и дружелюбие:

– О, это очень мило! Вы идете на ужин?

Он подождал ее, и они вместе пошли по коридору.

– Лона просто в ярости, – сказал он. – Если бы она могла, то заперла бы меня в комнате и спрятала ключ. Но при этом всем своим видом она выказывала мягкий упрек. Она умеет держать в узде свои эмоции. Думаю, Лона просто теряет время, работая сиделкой, – ее место в Голливуде.

– Она привлекательна, – неуверенно произнесла Джуди.

Джером согласно кивнул.

– Да, да, и она превосходная сиделка – я очень многим ей обязан. Но, знаете, иногда так хочется улизнуть из-под опеки, и, если хотите знать, мне просто до смерти хочется увидеть школьную подружку тети Колли. Как она выглядит?

Джуди опасливо оглянулась через плечо.

– Ш-ш-ш! Ей отвели комнату рядом с моей.

Джером от души, по-настоящему, рассмеялся.

– Мы похожи на двух заговорщиков, не правда ли? Она страшный дракон?

Они начали спускаться по лестнице.

«Джерому нужно время, – подумалось Джуди. – Он очень спокойно и уверенно чувствует себя со мной – как будто мы знакомы много лет. Он привыкнет к людям, должен привыкнуть. Это неправильно – держать его взаперти. Он дружелюбен. Это сразу чувствуется, когда он выползает из своей норы». Рассмеявшись, Джуди сказала:

– О нет, совсем не дракон. Она аккуратная, немного чопорная викторианская женщина, как героини любимых романов моей тети Кэти, на которых я воспитывалась. Мисс Сильвер заставляет вас чувствовать себя как на чаепитии в школе. – Помолчав, она добавила с удивившей ее саму теплотой: – Она очень мила.

За ужином Джером на самом деле разговорился. Мисс Колумба, которая была страшно рада его видеть, была в не меньшей степени смущена его интересом к ее школьным годам, воспоминаниями о которых она – по логике вещей – должна была делиться за ужином. Джуди не могла не восхищаться той ловкости, с какой мисс Сильвер выходила из этой щекотливой ситуации.

– Честно говоря, капитан Пилгрим, те дни кажутся мне очень и очень далекими – как сон или события, вычитанные из книг. Они – если вы понимаете, о чем я говорю – представляются не вполне реальными. Думаю, ваша тетя меня поддержит. Сама я едва ли вспомню имена даже

полудюжины моих одноклассников, но я помню, как многие из них воздействовали на мои чувства.

Мисс Сильвер вызвала интерес у Джерома. Он задумчиво произнес:

– Имена – это всего лишь ярлык. Они ничто – как одежда, которую можно сменить. Индивидуальность – вот что важно. Она присуща каждому человеку.

Мисс Сильвер в ответ очаровательно улыбнулась:

– «Что в имени? Как розу ни зови – в ней аромат останется все тот же...»¹

Эта цитата вызвала у Джерома еще больший интерес. Взгляд и улыбка мисс Сильвер позволяли ей эффектно произносить самые банальные и избитые цитаты из всей мировой литературы. Он уловил раздражение в капризной реплике мисс Джанетты:

– На самом деле, я считаю, что надо принять закон, запрещающий родителям называть детей в честь кинозвезд. Среди эвакуированных, живущих у Лесли Фрейн, две Глории. Вполне хватило бы одной Глории в семье Пелл, но теперь в деревне целых три Глории.

Улыбнувшись, мисс Сильвер возразила:

– Я слышала как-то раз об одном семействе по фамилии Уайт. Своего сына они нарекли именем Вообразите Себе Генри. Так получился Вообразите Себе Генри Уайт. Мне кажется, это не очень удачный способ выделить своего ребенка из всех прочих. Имена часто превращаются в ловушки. Есть, правда, очаровательные женские имена. – Она улыбнулась мисс Колумбе. – Вот, например, у тебя очень необычное и привлекательное имя, как и у твоей сестры. Но в том, что касается мальчиков, то их я называла бы привычными, солидными именами – Уильямом, Джорджем, Эдвардом, Генри – все это хорошие имена, но мне говорили, что сейчас они вышли из моды.

Мисс Колумба оторвалась от печеного яблока:

– Моего отца звали Генри.

Мисс Сильвер ободряюще посмотрела на мисс Колумбу, так, как смотрят на застенчивого или косноязычного подростка, и сказала:

– Прекрасное имя. Эту традицию перенесли и на следующее поколение?

Возникла многозначительная пауза. Роджер буркнул нечто вроде: «Да, так звали моего кузена», а мисс Джанетта принялась расхваливать достоинства имени Питер, а потом сказала:

– Я не имею ничего против «Генри», но есть великое множество других хороших имен.

Мисс Сильвер согласилась. Обсуждение имен продолжалось.

Во время этого разговора мисс Сильвер по очереди оглядывала присутствующих, словно старалась проникнуть в сокровенные глубины их сознания. Она внимательно следила и за Роббинсом, когда он входил и выходил. Ее поразило замкнутое выражение его лица. Старый слуга не должен так выглядеть без основательной причины. В принципе Роббинс был по-своему привлекателен – правильные черты лица и прямая горделивая осанка. Возможно, в своей комнате он расслабляется и сбрасывает маску настороженности. Мисс Сильвер понравилось это слово – настороженность. Но что ее вызывает? Может быть, это его представление о манерах, подобающих дворецкому родовитого старинного семейства, или за этой настороженностью прячется что-то другое? Роббинс привлек внимание мисс Сильвер и возбудил ее любопытство.

¹ Шекспир У. Ромео и Джульетта. Пер. Д. Л. Михаловского.

Глава 11

На следующее утро мисс Колумба повела свою школьную подругу на экскурсию по дому. Мисс Колумба делала это с видом полнейшей обреченности, ибо понятно, что такая экскурсия предполагает подробный рассказ, а мисс Колли не привыкла много разговаривать. К тому же стояла прекрасная погода, и мисс Колумба с радостью занялась бы не показом дома, а высаживанием гороха. Садовник Пелл, правда, говорил, что еще рано, но мисс Колумба не считала его авторитетом. Если погода вдруг изменится, то это даст Пеллу преимущество, которым он, несомненно, воспользуется. Но мисс Колумба осознавала свой долг и подчинилась ему безропотно, хотя и без показного восторга. Во всяком случае, одета она была в огородные брюки и рыбацкий свитер, чтобы при первой же возможности ретироваться в огород и поспорить с Пеллом.

С домом были связаны три истории, и начинались они с верхнего этажа. В своей роли гида мисс Колумба была просто обязана говорить, но надо сказать, что после того, как лед был сломан и она настроилась на новую роль, «Приют пилигрима» был темой, для которой мисс Колумба могла найти нужные слова. Возможно, не слишком пышные, но вполне адекватные.

Когда они поднялись на верхнюю лестничную площадку, мисс Колумба сказала:

– Когда-то здесь заканчивался холл. В начале восемнадцатого века холл перекрыли потолком и разделили на комнаты, которые находятся внизу. Здесь получился чердак, но и его разделили на комнаты приблизительно в то же время.

Мисс Сильвер разглядывала дом с неподдельным любопытством птички, которая рассчитывает чем-нибудь поживиться. Потолки здесь были низкими, комнаты – маленькими. Их было много, и все они пустовали за исключением самой большой, которую, очевидно, занимали Роббинсы. Миссис Роббинс вышла из нее, когда мисс Колумба и мисс Сильвер проходили мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.